

Петр Ингвин

КВАЗДАПИЛ

Н А Я В У Л И

Послеточие дилогии

18+

Кваздапил

Петр Ингвин

Кваздапил. Наявули

«Автор»

2020

Ингвин П.

Кваздапил. Наявули / П. Ингвин — «Автор»,
2020 — (Кваздапил)

Послеточие завершенной диалогии о встрече западных и традиционных ценностей. (Дизайнер обложки Галина Николаиди, с использованием иллюстрации Ксении Григорьевой для цикла "Кваздапил" П.Ингвина).

© Ингвин П., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Часть 1. Закон бумеранга	5
Часть 2. Цель оправдывает средства	8
Часть 4. За мечтой	25
Глава 1. Воскрешение	26
Глава 2. Подготовка	30
Глава 3. С вещами на выход	36
Глава 4. Веселье начинается	42
Глава 5. Знакомство и геройство	48
Глава 6. Вперед и с песней	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Петр Ингвин

Кваздапил. Наявули

Часть 1. Закон бумеранга

*Помилуйте, Антон Павлович! Как это – в человеке все должно быть прекрасным?!
(в ватерклозете, за перечитыванием)*

Владимир Тучков

Гарун поиграл ножом, перебрасывая из руки в руку.

– Почему «Кваздапил»?

– Совсем мелким я играл на улице, и мама крикнула на весь двор: «Саня, ты квас допил?»

Я в ответ: «Да-а-а!»...

Гарун громко фыркнул, что-то внутри него надломилось, и неудержимый гогот сотряс стены. Я вынужденно подключился. Как в старые времена мы с Гаруном захохотали – дружно, в голос, не в силах остановиться.

Прошла невыносимая минута убийственной истерики, и дикий хохот на грани жизни и смерти будто отрезало. Звуки исчезли. По лицу Гаруна прошла рябь, оно растянулось, похожее на щупальца, и оплыло полупрозрачными кляксами с глазами, ртом, носом и ушами, стекавшими с шеи и дальше с тела и дивана. Фантазмагорические потеки сползли на пол и растворились в окружившей меня мгле. Мир заволокло туманом. Через миг застилавшую глаза пелену пронзил яркий луч, и картинка превратилась в другую. Комната осталась той же, но я в ней был один, лежал в кровати и жадно хватал ртом воздух. В лицо било утреннее солнце.

В груди мощно стучало сердце. Grimаса истерического смеха все еще сводила скулы, а перед глазами как наяву блеснул нож Гаруна. Нож судьбы. А от судьбы, как известно, не уйдешь.

Стоп. А Хадя? С какого момента явь перешла в сон – до или после звонка Фильки? Дата на телефоне подсказала, что о смерти Хади мне уже сообщили. Яркий мир вновь потускнел. Вставать? Для чего?

После того, что приснилось, заснуть не получится. Я заставил себя встать, умылся и сделал себе кофе – две чайных ложки с горкой на маленькую чашку, чтобы глаза на лоб полезли.

Кофе не помог. Надо было пить успокаивающее.

Когда я мыл чашку, раздался звонок в дверь. Открыть? После такого сна?

Звонок повторился – нетерпеливый, жесткий, угрожающий. Казалось, будто звонивший уверен, что ему откроют.

В прихожей я застыл, не зная, что делать дальше. Открывать или нет – зависело от личности пришедшего. Возможно, за дверью нетерпеливо переминался с ноги на ногу почтальон или, скажем, сосед, которому срочно понадобилась дополнительная табуретка.

Можно глянуть в глазок, но затемнение выдаст, что внутри кто-то есть. Впрочем, прятаться смысла не было – рано или поздно настойчивому визитеру станет известно, что внутри кто-то скрывается, все зависело от степени настойчивости. Если пришли по мою душу, то кроме настойчивости визитеры могут проявить сообразительность и решительность, что моей драгоценной персоне и всей семье может выйти боком.

Я посмотрел в глазок. Разглядывание не прояснило, кто пришел. За дверью стоял кто-то незнакомый. Бейсболка, темные очки, джинсы, черная толстовка с капюшоном... Волосы вроде бы светлые. Руки незнакомец держал в карманах. Будь он пониже, я решил бы, что к Машке пришел Захар.

А темные очки на глазах – зачем они в подъезде?

По спине пробежал холодок. Если ко мне прибыл посланец Люськи-Теплицы... Отказ Кости «разобраться» со мной или затягивание просьбы могло подвигнуть «мадам Сижу» на самостоятельные действия. Честно говоря, мне и прошлых за глаза хватило

Нет, кое-что не сходится. В одиночку такие на дело не ходят, и Люськины знакомые должны быть старше, она не водилась с малолетками.

Спортивно сложенная фигура, одежда и очки не давали точно определить возраст, но, без сомнений, незнакомец был моложе меня примерно на несколько лет. Возможно, еще один Машкин друг. Например, одноклассник. Я же, если честно, не знаю никого из ее ровесников, кроме тех, с кем пересекался во дворе. А ровесников сестренки среди них, кажется, и не было, все были старше.

Парень поглядел по сторонам и вновь нажал кнопку звонка. Что ж, он, во всяком случае, кулаком не стучит, дверь не вышибает. Если ему не откроют, то, наверное, тихо уйдет.

Стало любопытно, кто же пришел и к кому.

– Вам кого? – спросил я через дверь.

– По поводу Маши.

Интуиция не подвела, гость действительно пришел к Маше. Точнее, как он выразился, «по поводу». Я открыл дверь.

– Маши нет, я ее брат.

– Знаю. Можно войти? – Голос был глухой, слова нарочно растягивались, чтобы казаться веселее. – На лестнице разговаривать неудобно. Не хочу, чтобы кто-то услышал.

Сейчас, вживую, а не через глазок, было видно, что правую щеку парня пересекал жуткий шрам – вздутый, красный, всем видом сообщавший, что повязку сняли недавно. Обычно людям неприятно, когда кто-то обращает внимание на покореженную внешность, и я не смотрел на лицо пришедшего. Под очками все равно не видно глаз, а не глядя в глаза разговаривать можно даже вовсе отвернувшись.

Я посторонился и пропустил гостя в прихожую. Проснувшиеся мозги подбросили новый повод для нервов. Фразы «По поводу Маши» и «Не хочется, чтобы кто-то услышал» сложились в уверенность, что сестренка опять во что-то вляпалась.

И еще. Парень был в курсе, кто есть кто в нашей семье. Он знал даже то, что я дома, а Машка – нет. Получалось, что он следил за нами?

И голос. Зачем он так коверкал и растягивал слова? Боялся, чтобы потом не опознали? Или чтобы не узнали сейчас? Чем-то знакомым повеяло и от голоса, и от лица, и от фигуры...

– Узнал? Посмотри, что сделали со мной твои приятели. – Из голоса исчезли притворные нотки.

Передо мной стоял Данила – недавний лидер дворовой молодежи. Он поднял правую руку с растопыренными пальцами. Среднего пальца не было.

– Я показал им, куда идти. Они отрезали указатель. Боюсь, как бы теперь не заблудились, поэтому я принял кое-какие меры. Зато, когда здороваюсь, могу сказать «Держи краба» и не соврать. – Подняв состоявшую из двух пар пальцев страшную ладонь к лицу, Данила снял очки. – А еще они сделали это.

Шрам, пересекавший правую щеку, уходил глубоко в глазницу, где отсутствовавший глаз скрывала черная заплатка из ткани или пластыря.

Пока я смотрел на обезображенное лицо без глаза, открывавшееся рукой без пальца, внизу, на уровне живота, что-то мелькнуло. Ощущение – будто меня разодрало на клочки и разбросало по прихожей, но меня не разодрало, все осталось внутри. Скрутившая боль согнула и бросила на пол. Скорчившись, я схватился за бок, по ладоням потекло теплое и липкое: в то время, как я, отвлекшись, глядел на лицо и поднятую правую руку Данилы, левой рукой он воткнул мне в печень немалых размеров острый нож.

– Уродство привлекает внимание, на это я и рассчитывал. – Данила презрительно скривился. – Правая рука без одного пальца – некрасиво, обидно, но не проблематично. Я левша.

Я пытался подняться, и нож взрезал меня еще раз – теперь прямым ударом в живот.

– Не вставай, а то не дослушаешь. Я долго готовил речь, и не хочется, чтобы она пропала зря. Кстати, в полицию о нападении на меня я не заявлял, иначе многим не поздоровилось бы. В том числе твоей сестре.

– Тебе в первую очередь, – прохрипел я.

Боль была невыносимой.

Данила кивнул:

– Я и говорю – многим. Врачи не верили, что я так неудачно упал, чтобы оторвать палец, выбить глаз, порезать лицо и отбить половину организма. К счастью, все обошлось, и ты со своими черными друзьями и похотливой сестрицей можешь быть спокоен – ничто не выплывет наружу такого, что потянет на уголовщину.

Данила бесстрастно наблюдал, как подо мной разливалась лужица крови. Лужица превращалась в лужу, от моих босых ног она добралась до кроссовок у стенки и подбиралась к маминым выходным туфлям.

– Ты напустил на меня своих дружков, чтобы отомстить за сестру, – спокойно продолжил Данила. – Похвально. Но ты забыл, что у каждой палки есть два конца. Я был в какой-то мере виноват, со мной можно было поговорить и договориться, и даже получить что-то в качестве компенсации. Я пошел бы навстречу, хотя категорически не понимаю, кому и что компенсировать. Разве я подставил кого-то из своих хотя бы раз? Я только грозил, чтобы ошалевшие от легких денег дурехи не кинули меня как работодателя и гаранта безопасности и не бросились во все тяжкие добывать денег сами. Поползновения были, я их своевременно и жестко пресек. Мои действия кажутся чрезмерными, я готов ответить за чрезмерность – она была вынужденной ради общей безопасности – и за угрозы, которые вовсе не собирался исполнять. Теперь сам подумай: сумел бы я сделать хоть что-то без второй стороны – без любителей приключений, которые увидели в моем предложении возможность быстро заработать? На мне лежит часть вины, но только часть, и мне обидно, что отвечать за всех ты назначил меня одного. Поэтому ты виноват в первую очередь. – Данила провел изуродованной рукой по изувеченному лицу. – С остальными я тоже разберусь, а кое с кем уже разобрался. Они думали, что всесильны и по их слову все будут скакать на передних лапках и кверху задницей. Но когда их по одному ловят в тихом месте, они очень хотят жить, желательно в полной комплектности. К сожалению для них, после всего, что они со мной сделали, счастье иметь все органы и конечности никому из них не грозит. На сегодняшний день кто-то уже не может ходить, кто-то – иметь детей, кто-то – видеть, кто-то – кушать без трубочки. Они выдали мне заказчика акции. А один, к тому же, проговорился, что твой бывший дружок Гарун имеет на тебя зуб и даже, как меня уверили, собрался зарезать. Не сомневаюсь, что полиция тоже раскопает эти сведения.

Краем пульсирующего сознания я заметил, что державшая нож левая рука Данилы одета в перчатку. Отпечатков не будет. А нож очень походил на нож Гаруна.

Данила перехватил мой взгляд.

– Да, это любимая вещица твоего друга, – сказал он. – Не представляешь, к каким ухищрениям пришлось прибегнуть, чтобы заполучить. По идее, нож надо было взять с отпечатками Гаруна, но не удалось. Ничего, я спрячу улику неподалеку, в мусорном баке или еще как-нибудь, чтобы случайно не нашли дети, а полиция мимо не прошла. И – привет твоему горбоносому дружку, «Владимирский централ, ветер северный...» А лучше так: «Таганка, я твой навеки арестант...» Теперь ты понимаешь, что за все в жизни рано или поздно придется платить? Что-то ты долго валандаешься. Я уже все сказал, оставаться дольше опасно. До встречи в аду.

Третий удар ножа пришелся в сердце.

Часть 2. Цель оправдывает средства

Я задыхался. Сердце разрывалось, клинок из сна оно ощущало как реальный, несмотря на то, что сознание проснулось. Я хватался за грудь, за живот за бок. Там все было нормально. Сердце бешено стучало, но – стучало!

Я огляделся. Две кровати по разные стороны комнаты с полосатыми обоями, яркий свет из окна, смазливая физиономия на плакате над пустой Машкиной кроватью... Я лежал в кровати родительской квартиры, и дата на часах убеждала, что предыдущие утра, одно за одним, с разными вариациями, мне приснились.

Пора пить на ночь успокоительное. Или уставать так, чтобы у мозгов не оставалось сил на всякую ерунду.

Ну и сны. Чем дальше, тем хуже. Почему нужно было закончить на такой нервной ноте?

В дверь позвонили. Меня подбросило: кто?! Во сне хотя бы кофе удавалось выпить.

Звонок повторился. С тяжелой головой, сонный, помятый и неумытый, я накинул халат и открыл дверь.

– Захар?

Парень был взвинчен.

– Где Маша?

– Я был уверен, что она с тобой, поэтому твой вопрос очень интересный. – Я потянулся за телефоном.

– Не отвечает. Мы хотели встретиться, а Наташка говорит, что Маша уехала в крутой тачке. Наташка видела ее из окна.

Я поморщился. Причин для недовольства – сразу две. Машка опять начудила, а я вновь оказался в нелепом положении. Звонить и выяснять? Машка уже большая, даже слишком. После всего, что случилось, должна понимать рамки дозволенного. И все же: что за крутой поклонник?

Волнение за сестренку смешалось с любопытством, а такая смесь непобедима. Пусть Машка и умна в меру возможности, но до ужаса легкомысленна. Как брат, я могу поинтересоваться и, опять же, из за недавних событий, могу еще раз влезть в ее личную жизнь. Пусть потом думает и говорит, что хочет. Я в своем праве.

– Наташин телефон знаешь?

Захар продиктовал номер, я приложил трубку к уху. Наташа ответила сразу.

– Привет, это Саня, брат Маши. Я за нее переживаю. Захар говорит, она с кем-то на машине уехала. Не знаешь, с кем и куда?

– Привет, рада слышать. Выходи как-нибудь во двор, поболтаем. Или звони, у тебя теперь номер есть. А Машка уехала на незнакомой машине, я сама видела. – Ничего нового разговор не дал. Я хотел влезть с вопросами, но уточнение принеслось раньше: – Машина не местная, я в городе все «Мерседесы» знаю.

«Все два», – хотелось съязвить. Наташу, судя по тону, мой звонок обрадовал, а мне разговаривать с ней было тяжело и неприятно. Ухо слышало голос, а перед глазами скакали неприличные картинки из досье Данилы. Наташа была одной из главных исполнительниц. Те виды, в которых она представляла на видеосвидетельствах, не каждая фантазия представит.

– Захар стоит рядом? – тихо спросила Наташа.

– Да.

Я кожей ощутил, что она знает больше, чем говорит. Волоски на руке, державшей телефон, встали дыбом.

– Перезвони, когда он уйдет.

– Понял, спасибо. Пока.

Палец давил «отбой», а я уже поворачивался к Захару, глядевшему на меня с неммым вопросом.

– Ничего нового. – С тщательно скрываемым нетерпением я пожал плечами. – Маша часто что-нибудь забывает и, наверное, забыла зарядить телефон. Занимайся своими делами и будь на связи. Когда что-то выяснится, я позвоню. Или еще раньше Маша сама позвонит.

Захар ушел. Жаль его. Волнуется. Я переживаю за Машку, потому что она моя сестра, а Захар – потому что любит. Мое чувство надежнее, а его сильнее.

Однажды мне приходилось выбирать между сестрой и любимой девушкой, когда после заслуженного Машкой ремня пришла полиция, и я не знал, что делать. Я отдал бы свободу и жизнь за и Машку, и за Хадю, но требовалось кем-то жертвовать. А я не мог. Тогда я понял: Машка мне роднее, а Хадя – любимей. За родную кровь можно пойти на все, а за любовь еще дальше – за горизонт, за предел возможностей, за смерть. Для настоящей любви смерти нет. Для родственников – есть. Потому мы за них в ответе, особенно за тех, кто младше.

Дверь за опечаленным кавалером еще закрывалась, а я уже слал вызов на последний номер.

– О том, что ничего не знаю – версия для Захара, – со смехом объяснила Наташа. – Зачем ему знать больше?

У меня стал успокаиваться пульс. Еще не было никаких фактов, но Наташина интонация говорила, что с Машей все в порядке. А то ведь в голову лезло всякое...

– Это при мне было, – продолжала Наташа. – Машка созвонилась с кем-то давно знакомым, и за ней приехали. Тачка у чувака, конечно, классная. Не из нашего города. Забирали Машку на улице, во двор не заезжали. Одно знаю точно: по телефону Машка разговаривала с человеком, которого чуть ли не боготворит, Захары там и рядом не лежали. Потому она и телефон отключила, чтобы Захар не надоедал. Я тебе помогла?

– Да. Спасибо.

– Спасибо в карман не засунешь.

У меня вновь прокрутились перед глазами веселые картинки. Теперь, когда ждать от жизни нечего – что мне терять? Судьба сначала повернулась не тем лицом, которым мне хотелось, но вот – дает компенсацию.

Гм. Наташа – пирожок сладенький. Рыжая бестия. Тощенькая, зато не выразить словами насколько умелая. То, что она творила с не подозревавшими о съемке «клиентами», я видел собственными глазами. К тому же, у меня рыжих не было, и, как в свое время Машке с негром, мне стало интересно: а какие они – рыжие?

Меня удержали две мысли, маленькая и большая. Первая была о том, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Один раз я чуть было не попался, спасли чрезвычайные обстоятельства. Сейчас Данилы нет... Но – кто знает? Хорошо поставленный бизнес работает и после того, как его основатель ушел из дела.

Большая мысль была о Хаде. Память о ней заставила сказать:

– Тогда очень большое спасибо. Узнаешь что-то еще – позвони.

– Ты тоже звони, когда захочешь. Не представляешь, какая тут скука. Маша говорила мне, что ты сейчас один...

– Еще раз спасибо, пока.

Остаток дня я просидел в интернете. Машка вернулась раньше родителей, это порадовало, не возникнет лишних вопросов. Я выглянул с кухни, где пил чай, и заметил, что сестренка довольна и светится, как Новогодняя елка.

– Привет, Саня! Выходил сегодня на улицу? Погода – просто сказка!

– Привет. Где ты бы...

«Ла» повисло в пустоте – Машка заскочила в ванную. Из душа долго текла вода, его забивал веселый напев. Голоса у Машки нет, это компенсировалось громкостью и энтузиазмом.

Она вышла, когда мама с папой уже гремели в замке ключами. Ладно, неудобные вопросы подождут. Нервы родителей важнее.

После ужина мама возилась на кухне, папа ушел смотреть телевизор. Мы с Машкой, наконец-то, остались одни. Я прикрыл дверь: для впечатлительных ушей наш разговор не предназначался. Мы оба были в домашнем: я – в спортивном костюме, Машка – в халатике, в котором вышла из ванной и провела дома весь вечер. Спать было еще рано, и Машка завалилась на кровать с телефоном в руках. Я грозно навис над ней:

– Где была?

– Я уже большая девочка. Впрочем, ты это знаешь. – Она выразительно потерла зад. – В старину говорили: «После такого ты должен на мне жениться».

Нахалка. Дерзкая и бесстыжая.

– Не могу по трем причинам.

– Ух ты, уже подсчитал. Как у тебя голова так работает? Я тоже так хочу, чтобы р-р-раз – и все мысли по полочкам, а мораль уже выведена и четко сформулирована.

– Думай чаще, и само получится. Как в спорте. Чем больше тренируешься, тем лучше получается.

– Не уводи разговор, а то я разочаруюсь. Что за три причины?

– Основная: ты крупно провинилась и потому заслужила. Соответственно, никаких бонусов за причиненный ущерб тебе не полагается.

– А то, что я тебя от тюрьмы спасла – разве этот «маленький» фактик хотя бы часть вины не компенсирует?

– А то, что из-за твоих сумасбродств я и мои друзья жизнями рисковали, чтобы твою репутацию спасти?

– Ладно, аргумент принят, произошел взаимозачет, мы квиты. Какие две другие причины?

– Вторая настолько проста и очевидна, что проще и очевиднее просто некуда: в нашей стране инцест запрещен.

– «В нашей»? – Машкины брови подпрыгнули. – То есть, в теории это вполне...

– В теории и на практике такое допустимо исключительно для выживания человеческой популяции. Согласись, у нас не тот случай. Вот, например, в единственной на тот момент на Земле семье Адама и Евы...

– Знаю-знаю, у них было три сына, поэтому человек произошел от обезьяны. В школе проходили.

– Три сына в библии упомянуты поименно, про остальных детей детально не рассказано.

– Убедил. Давай третью причину.

Видно, что не убедил. И это часть третьей причины.

– Я не хочу такую жену.

Машка удивленно обернулась:

– Я тебе не нравлюсь?

Хорошо, что она мне сестра. И хорошо, что я ей брат и она об этом помнит. Скажи я такое какой-нибудь Мадине или Насте, в ответ случилась бы демонстрация причин и возможностей, которые не понравятся мужчине не смогут.

– Ты красивая и веселая. – Я снова сел на свою постель. – Забавная и яркая. Чувственная и сумасбродная.

– Разве перечисленное тобой – не мужской идеал? – В глазах сестренки плясали чертики из поговорки про омут.

– Никогда не думал о таком выводе. Возможно, ты права. Как сестра ты идеальна, хотя и чуть более взбалмошна и легкомысленна, чем мне хотелось бы, но от такой жены я сбежал бы на второй день.

– Видишь, все-таки на второй, а не на первый. Значит, комплект тебе нравится. А бочки меда без ложек дегтя бывают только в сказках, да и тот мед лишь по усам течет, а в рот не попадает. – Машка закатила глаза и с придыханием повторила мои определения: – Красивая и веселая, забавная и яркая, чувственная и сумасбродная... Санька, я тебя обожаю. Мне еще никто таких комплиментов не говорил!

– Не поверишь, но я тоже говорил вовсе не комплименты. Я выискивал недостатки и заменял их более приятными синонимами.

– Насколько понимаю, в семейных отношениях все точно так же: ругаешься на то, что нервирует, но, чтобы не разрушить брак, облакаешь в другие слова. Постепенно привыкаешь. Это и называется любовь.

– Не это.

– В моем возрасте – да, не это. В твоем – уже это. Ты же свыкся со мной, как сестрой, от которой никуда не деться? С женами – то же самое. В конце жизни оказывается, что все именно так, как надо, и в свое время был сделан лучший выбор. Отсюда вывод: последняя из твоих причин не жениться на мне безосновательна, и, если забыть о предрассудках, мы могли бы стать семьей и ты был бы счастлив.

– Мы и так семья.

– Я не о том.

– Все равно не смог бы. – Я ударил козырем. – Я не вижу в тебе женщину.

– Врешь. Вспомни «Мурадоности». Когда ты вылизывал от мороженого мою грудь...

Я повысил голос:

– Это не разговор для брата с сестрой.

– А вчера мне казалось, что мы поняли друг друга и можем говорить обо всем.

– Поняли как брат и сестра, – напомнил я.

– Как самые родственные души в мире, – согласилась Машка.

Пора вернуться к главному вопросу.

– И как брат, который о тебе волнуется...

– И который защитит, если что, – с удовольствием вставила Машка.

– Кстати, да, и поэтому тоже. Я хочу знать, где ты была. Телефон не отвечал. С тобой могло случиться что угодно.

– Я была с Костей.

Хорошо, что я сидел, иначе пришлось бы сделать это снова.

– С тем самым, – подтвердила Машка нарисовавшуюся на моем окаменевшем лице догадку. – Твоя проблема решится к удовольствию для всех. Ничем не придется жертвовать. Наоборот, от того, что закрутилось, все выиграют.

– Ты же не собираешься...

– Когда я предлагала ту несусветную чушь, была молодая и глупая, не понимала, что говорю. Конечно, я не собираюсь ни шантажировать, ни лезть в другой криминал. Не переживай, я похоронила тот план, да и не план это был, а кошмар на ножках. Не понимаю, как я могла думать, что удастся провернуть такую муть. Все оказалось намного проще. Костя оказался таким душкой... Он мне еще в клубе понравился. А я ему. Ну, об этом я уже говорила. Для хорошего человека он готов горы свернуть.

– А ты, значит, для него теперь хорошая?

– Не только для него. Я и как сестра хорошая, ты не находишь?

– Ты замечательная сестра, но как брату мне такое совсем...

– Ой, перестань уже. С сегодняшнего дня Костя – мой парень.

Я только и смог сказать:

– А Захар?

– Ты видел Костю? А Захара?

Маша умолкла. Выводы мне предоставляли сделать самому.

Я хмуро спросил:

– Захару звонила? Он волнуется.

– Сообщение отправила. Сказала, что сейчас не до него.

– То есть, со счетов его не сбрасываешь, оставляешь как запасной вариант?

– Он же меня любит. Вдруг мне от него что-то понадобится? Зачем бессмысленно отрезать себе возможности?

Я считал сестренку легкомысленной. Теперь мне кажется, что начни мы играть в шахматы, она поставит мне детский мат.

С утра Машка умчалась из дома до того, как я встал. В какой-то момент меня разбудил звонок в дверь.

После снов, преследовавших в течение ночи, я боялся подойти к двери. Сестренки нет, родителей нет, я никого не жду. Даша? Ага, размечтался. Не нужно путать Божий дар с яичницей. Таких Даш у меня будет вагон и маленькая тележка, Даша – она же просто ходячая строчка из анекдота: «Даш? – Дам. А кто звонит?» Я же видел «кино» с ней на файлах Данилы. Нужна ли мне такая спутница жизни?

А если не на всю жизнь – нужна?

Хороший вопрос. Спорный. То есть, по нему можно долго спорить с самим собой и ни к чему не прийти. Душа и организм на этот счет имеют противоположные мнения и вряд ли в обозримом будущем их позиции сойдутся.

И чего я заиклился на нашей Даш-дам? Мало ли кто может оказаться снаружи. К примеру, тот же Гарун с ножом...

Кто бы там ни был – от судьбы не уйдешь. Я оделся и, когда звонок вновь ожил, открыл дверь.

На пороге стояли Костя и его отмасштабированная в сторону увеличения тень – Валера. В темных костюмах, при галстуках, с жесткими воротничками белых рубашек. Только темных очков не хватало, чтобы получились «люди в черном» из одноименного фильма.

И вообще. Маленький и большой. Будто герои комедийных и детективных сериалов. Навязшее на зубах клише.

Почему у маленьких чаще хватает денег на охранников, а большие, как правило, идут в охранники? Рост и комплекция определяют судьбу?

Я знал много исключений, но штамп оставался штампом.

– Даже не спрашиваешь «кто»? Плохо.

– Я видел в глазок.

– Нет, ты подошел и сразу открыл. Валера, проверь внутри.

Мимо меня в квартиру протолкался высокий здоровяк с титановым чемоданчиком – защищать босса от подслушивающе-подсматривающих «жучков» и прочего коварства людей и техники. Костя шагнул в темную прихожую. Я вспомнил, что надо зажечь свет, и щелкнул выключателем.

– Александий... Можно просто Саня? Я знаю, тебя так сестра зовет. Мой приезд – как раз по ее поводу. Пока Маше не исполнится восемнадцать, я, как человек в нашей области известный, не могу рисковать репутацией. Не хочу проблем. Но также я не хочу скрывать наш роман от ее брата – опять же потому, что не люблю проблем. Я приехал поговорить с тобой и

договориться. Родителей посвящать не будем. Маша в курсе нашего разговора, она настояла, чтобы я был с тобой максимально откровенным.

Спасибо, Машенька, за заботу.

Я не знал, что говорить, и Костя говорил за обоих. Он просто констатировал факты – то есть, сообщал о событиях, которые еще не произошли, но обязательно произойдут, если в ближайшие дни Землю не захватят агрессивные инопланетяне и она не взорвется. Другие проблемы, как мне показалось, значения для Кости не имели, он считал их решаемыми.

– Отели и съемные квартиры сразу отбрасываем, я не хочу попасться на мушку вездесущих фото- и видеокамер, это ударит как по мне, так и по твоей сестре. Маша предложила самое разумное в нашей ситуации. Мы будем встречаться здесь. – Костя обвел глазами квартиру. – Маша сказала, что ты чудесный брат и возражать не будешь.

– Она ошиблась в обоих случаях. Я совсем не чудесный брат...

– И она просила напомнить брату, которого считает чудесным, – перебил Костя, – что однажды он сделал сестре очень больно своим непониманием, причем больно как в душевном, так и в телесном смысле. Меня этот факт вашей биографии очень заинтересовал, но Маша отвечать отказалась. Она сказала, что ты поймешь, и просила напомнить, что ты обязан ей свободой.

– Разговор больше походит на шантаж.

Костя душевно улыбнулся:

– Ни в коем случае. Шантаж подразумевает насилие над личностью, шантажируемого загоняют в безвыходную ситуацию: «Поступай, как тебе велят, а то тебе и кому-то из твоих близких будет плохо». Мы же ищем возможность сделать хорошо всем. Настоящий шантаж выглядел бы так: я сказал бы, что удаленные тобой файлы восстановлены...

– Блефуешь? Да, я кое-что стер...

– Надо бы знать основы компьютерной грамотности. Неотформатированная память сохраняет удаленное – полностью или хотя бы частично.

Я мысленно избил себя до полусмерти. «Стертые» мной свидетельства Машкиного позора, которых я даже не видел и потому не мог знать, насколько они просто позорны, а насколько криминальны, были «удалены» правой клавишей компьютерной мыши, то есть отправлены в «корзину». Следующая команда – «очистить корзину» – окончательно успокоила меня: дело сделано, открываемый файл корзины отныне сиял девственной чистотой.

Так мне казалось. И зря. Девственность, как достопамятная Булгаковская свежесть, бывает только первой, а когда что-то случается второй раз и далее – это нечто другое, для чего есть другие названия.

Костя увидел, что я все понял, и продолжил:

– Стертые тобой файлы касались одной небезразличной нам обоим особы. Для шантажа лучше повода не придумать – ради сестры ты сделал бы все. Но теперь я беспокоюсь о Маше не меньше тебя, поэтому ставлю в известность: весь возможный компромат и негатив о ней удалены по-настоящему. Ты здесь ни при чем, это мой подарок моей девушке. Не заговори ты о шантаже, я не затронул бы упомянутый скользкий момент, но, надеюсь, теперь ты понимаешь, что мои намерения серьезны.

Ага, серьезны. И, кстати, кто теперь верит словам? Настя тоже говорила, что снимков больше нет, а что оказалось?

Проверить Костю я не мог, оставалось надеяться на его совесть. Глупая, конечно, надежда. У людей вроде него совесть обычно прислуживает практическому расчету.

– Повторюсь, – говорил Костя, – моя цель – никому не создать неудобств и чтобы все были счастливы. Сделать это легко. Я предлагаю тебе работу. Контракт у меня с собой, с моей стороны он подписан, и в нем такие условия, что они тебе понравятся. Ты сразу станешь обеспеченным человеком. Настаивать я не имею права, и время, чтобы подумать и все взвесить, у

тебя будет. Если не появится возражений, подписать можно перед моим уходом. В институте возьмешь академический отпуск, через год переведешься на заочное. Я помогу.

– Кем же и чем может заработать студент-недоучка? – спросил я.

– Числиться будешь оператором – штатным сотрудником на удаленке. Нужно отслеживать неприятные, нелогичные и сомнительные ситуации. Чтобы оператор не расслаблялся, некоторые из них будут проверочными. Судя по тому, что я знаю о тебе на сегодня, ты справишься отлично. От такого сотрудничества выиграют обе стороны. Технику и мебель фирма предоставит – для качественной работы требуются комфортные условия. – Костя выдохнул. – Одним махом мы решим все проблемы, как общие, так и каждую из наших личных. Ты же, наверное, хочешь, чтобы твоя сестренка была счастлива? Она в тебя верит. Я тоже поверил. Мне кажется, ты здравомыслящий человек и не станешь ломать сразу несколько судеб.

Слова лились хорошие, только от них морозцем веяло. Последняя фраза про ломку судеб – это же прямая, пусть и слегка завуалированная, угроза.

Но если не искать подводных камней, то звучало сказанное прекрасно.

Костя не умолкал:

– Ты же понимаешь, что приезжать сюда именно для встреч с Машей я не могу, поэтому я буду приезжать к тебе, а она здесь живет, и вопросов, почему мы иногда оказываемся вместе, не возникнет.

В замке провернулся ключ, и прихожую разметала буря по имени Маша.

– Ко-о-остик!!! – Светловолосое чудо повисло на моем госте, обхватив руками и ногами и не обращая внимания на тесную встречу своих грязных кроссовок и его дорогого костюма.

Глаза сестренки светились. В паре с Захаром она выглядела по-другому. И пусть лично для меня Захар был симпатичней и предпочтительней богатенького хлыща, но выбор Машки очевиден.

Проверивший комнаты Валера появился при первом постороннем звуке и сейчас контролировал ситуацию, в любой миг готовый оказать помощь начальству.

Слащавый поцелуй длился вечность, после чего Машка, наконец, обернулась ко мне:

– Костик уже рассказал?

– Да.

– Ты согласился? Спасибо! – Словно мартышка, перепрыгнувшая с одного дерева на другое, в одно движение Машка повисла мне. – Так ты решишь свои проблемы, а я свои!

– Я еще не...

– Я говорила Костику, что ты лучший в мире брат и что все поймешь и поможешь. Только посмей сказать, что я не права!

Я вздохнул и развел руками.

Костик улыбался.

Валера прошел на кухню.

Мы с Валерой сидели за кухонным столом. Маша с Костиком закрылись в родительской спальне, оттуда периодически доносились звуки. Судя по ним, Маше было хорошо.

Ну, хоть кому-то хорошо.

Меня накрыло дикой тоской. Хади больше нет. Это значило, что больше ничего нет. У меня остались только родители, сестра и жизнь. Надо помогать родителям и защищать Машку, вот новый смысл моей жизни. Папа с мамой – не вечные, однажды они уйдут на пенсию, начнут болеть. Чтобы им помогать, нужны деньги. Значит, нужна работа, желательно высокооплачиваемая.

Круг замкнулся. Решение лежало на виду и казалось единственным.

Решать не хотелось. Хотелось уйти. Но я не мог уйти. Оставить Машку одну в квартире с любвеобильным шимпанзе и его ручным гамадрилом? Нет, досижу до конца первого акта (ну и словечко прилетело препаршивейшее) новой пьесы. Надеюсь, он (упомянутый гадский акт) будет один. Машка, конечно, мерзавка, каких свет не выдывал. Мой сегодняшний позор – ее месть мне за приступы ханжества и рукоприкладства. Дескать, у нее от моих действий болела задница – пусть от ее ответа у меня душа поболит.

И она болит. Не передать словами. Как объяснить, что творится на сердце, когда за стеной при достаточной слышимости младшая сестренка голосисто (опять же, во всех смыслах, как и в предыдущем препаршивейшем случае) развлекается с мешком денег высотой в метр с кепкой? Не понимает, поганка малолетняя, что ее бесстыжие закидоны мне как серпом по мужским достоинствам, как моральным, так и аморальным. Взрослость – не творить невесть что, а думать. Когда поймет?!

Руки сами тянулись к ремню, но решать проблему ремнем – бесполезно. Ремень – оружие тактическое, а не стратегическое, время упущено, воспитывать надо было раньше.

А самое главное – воспитывать нужно примером. Чем мне похвастаться? Все предыдущие годы я был такой же Машкой, только в мужском обличье, и с возможностями мне не везло. До тех пор, пока в моей жизни не появилась Хадя, я видел мир через те же очки, что и сестренка. Хадя показала пример иной жизни, и оказалось, что мир разнообразен, и некоторые его стороны с привычной точки зрения выглядят жутко.

«Всегда готовые к журьбе, поют все песнь одну...» Не хочу больше. Машка наказала меня за лицемерие. Пора взрослеть и мне. То есть, тоже начинать думать.

В холодильнике всегда, сколько я себя помнил, стояла открытая бутылка водки – для дезинфекции и удаления пятен. В одном из снов я ее выпил. Она оказалась на месте, это обрадовало: умом я еще не тронулся, все прежнее было сном, а сейчас происходит в реальности.

– Будешь? – Я поставил на стол бутылку, в которой плескалось на доньшке, и достал два стакана.

Валера скупно мотнул головой:

– На работе нельзя.

– А я буду.

Не люблю водку, но сейчас мне было все равно, что пить. Просто требовалось выпить.

Налитое я опрокинул в себя залпом, горло обожгло, организм продрало до печени. Закуской послужил соленый огурец, выуженный двумя пальцами из трехлитровой банки.

Захотелось еще. Я хмуро глядел на пустую бутылку.

Валера открыл титановый «дипломат», с которым не расставался, как Президент с ядерным чемоданчиком.

– Коньяк. – Он поставил на стол пузатую бутылку. – Тебе. Презент.

Под его молчаливым взглядом я откупорил, понюхал и примерно на четверть налил янтарной жидкости в граненую посудинку. Судя по виду, коньяк был дорогим. В таких чемоданчиках, стоимостью дороже Гаруновской «Лады», дешевое пойло не носят.

Другой закуски, кроме соленых огурцов, под рукой не оказалось. Борщ, масло, майонез, томатная паста и три вида варенья с коньяком в моем сознании не вязались, и я закрыл холодильник.

– Точно не будешь? – на всякий случай спросил я Валеру, положив на стол несколько кусков хлеба и наполнив блюдце нарезанными огурцами.

Он покачал головой, и я, приподняв стакан как бы в его честь, выпил в одиночку.

Наверное, коньяк хороший. Как говорила Снежка, «хорошее вино вкуснее уже потому, что очень дорогое». В коньяках я разбирался так же.

– Костя хороший начальник? – спросил я, поставив на стол пустой стакан.

– Нормальный.

Как собеседник Валера напоминал каменного сфинкса. Сидит, такой, то ли лев, то ли орел, то ли живой, то ли мертвый. Хорошо, что, все же, отвечает на вопросы, а не свои задает. Начни он задавать – мне, наверное, пришлось бы несладко.

– Мы с ним сработаемся? – спросил я.

– Если ты без взбрыков и держишь слово, то да.

– Это хорошо. А он слово держит?

Ответ последовал не сразу.

– Смотря с кем. Бывает, кое-кого нужно обмануть, чтобы выжить. Ложь во спасение.

– Сейчас не тот случай?

– Ему нравится твоя сестра. Она по-настоящему настоящая. Каламбур получился. Но ты понял. Плохо, что она несовершеннолетняя, но у Константина Георгиевича нет времени на ожидание, пока она вырастет, он живет слишком быстро. К тому же, девушка первая заговорила об отношениях, я свидетель. Она очень настаивала, ему пришлось согласиться.

«Пришлось», ага.

– Он же на ней потом не женится?

– До женитьбы еще далеко, до нее дожить надо. Никто не знает, что будет через день, как загадывать на большее?

Такие люди, как Костя, должны заглядывать намного дальше, они обязаны просчитывать все варианты, иначе на их местах сидели бы другие.

Вслух я сказал другое:

– Тебя не уволят за то, что разговариваешь со мной о боссе и выдаешь разные тайны?

– Разговоры о боссе в нужном ключе хорошо оплачиваются.

Мощно. Честно. Достойно.

Я поднял за Валеру еще один стакан.

– Пойдешь к нам на работу? – спросил Валера.

– Пойду.

– Правильно. Сразу и деньги, и возможности.

– И сестра под наблюдением. Надеюсь, когда она Косте наскучит, меня не собьет машина где-нибудь в производственной зоне?

– Зависит от тебя.

– Спасибо за честный ответ.

Я налил себе еще.

Поверх стакана легла ладонь Валеры:

– Тебе хватит. Ты же хочешь работать у Константина Георгиевича?

Я кивнул и отодвинул стакан.

– И называй, пожалуйста, Константина Георгиевича на вы, – продолжил Валера. – Так у нас принято.

– Хорошее уточнение: у вас. Для тебя он босс, для меня еще нет. И когда он здесь будет вот так кувыраться с моей сестрой, – я кивнул на закрытую дверь спальни, откуда неслись грубые выдохи и тонкие повизгивания, – он мне не босс, а приятель сестры, и слова, которыми его называть, зависят сразу от трех причин: от его поведения, от моего расположения, которое зависит как от материального положения и настроения, так и, опять же, от поведения нашего жизнелюба, и от желания Машки продолжать это, с позволения сказать, знакомство. Честно говоря, если бы не любовь к сестре, ваш Костик такого пинка от меня получил бы...

Валера промолчал. Мои аргументы его не убедили, но встречных не прозвучало. Каждый остался при своем мнении. Я понимал его точку зрения и даже сочувствовал необходимости всегда блюсти субординацию и стоять на страже интересов босса, даже когда душа клонится к противоположному – а молчанием Валера показал, что моя правда для него тоже в некотором роде правда.

– Ты сказал: «Работа у нас – деньги и возможности». С деньгами все понятно. Поговорим о возможностях, которые дает ваша фирма. У меня кое-с кем есть личные счета. . .

Перед внутренним взором висел список. Гасан, убивший Мадину. Шамиль, с которого все началось. Муж Хади, выгнавший ее в первую брачную ночь. Отец Хади, отнявший жизнь и счастье у опозорившей его дочери. Если перейти к следующему листу, далее следовал Данила, куда бы он ни спрятался, и гаденыш Аркаша со справкой, и, по убывающей, много еще кто, вплоть до ребят, которые по просьбе Люськи чуть не отправили меня на тот свет. Если человек что-то делает – пусть готовится ответить за сделанное. Иногда в роли Бога выступают люди, у которых отняли самое дорогое. Когда счастье невозможно, хочется найти того, кто сделал его невозможным, и активно поговорить на эту тему.

Я спросил:

– Новая работа поможет мне активно утрясти кое-что в личных делах?

– Мало того, кое-что за тебя сделают другие. Нет, я неправильно выразился. Не кое-что, а многое.

Я почувствовал, как душа оживает. Кажется, у меня опять появилась цель в жизни.

Из соседней комнаты неслись охи и ахи. Маше хорошо. Почему мне должно быть плохо оттого, что ей хорошо? Я был неправ, признаю и склоняю повинную голову. У меня собственная жизнь, у сестренки – своя. Каждый помогает другому, но каждый отвечает за себя. Сейчас Машка, решая свои проблемы, помогала мне решить мои, причем решить глобально. Настолько глобально, что дух захватило. Как же мелко я мыслил, когда шел к Гасану с намерением запугать. Самое крутое, что представлялось – это нож в сердце в обмен на годы в тюрьме. Как же мелко я плавал. Отдать швартовы, корабль уходит на глубину! «В флибустье-ерском дальнем синем мо-оре. . .» – пела душа.

Душа пела! Я снова жил!

И кто сказал, что цель не оправдывает средства? Еще как оправдывает, если цель благородна, а средства приятны. А коньяк действительно был хороший.

Валера продолжал:

– Фирме нужны лояльные сотрудники, у которых нет проблем. А если проблемы исчезают благодаря фирме, работник становится немного преданней. Политика фирмы строится на всемерной помощи персоналу в любых делах.

– Знаешь, не выпить за это будет кощунством. – Я налил в стакан еще на несколько глотков. – За будущее без проблем!

Часть

3. To be or not to be

Это начинало надоедать. Очередной сон, очередное пробуждение. «День сурка» продолжался. Тот же час, та же дата, те же кровать и свет в глаза. Я отправился готовить кофе. Ударная доза кофеина прочистила мозги, а когда я мыл за собой чашку, раздался звонок в дверь.

Душа надеялась на чудо. Разум понимал, что чудес не бывает. Мои сны – просто сны, игра воображения.

И все же настоящие чудеса случаются, несмотря ни на что.

Не глядя в глазок, я распахнул дверь.

Гарун много дней меня избегал, сообщения и звонки оставались без ответа. И вот, как неоднократно повторялось во сне, он пришел. На этот раз без ножа. Вроде бы.

И все же я знал, что он все знает. Вместо привычного пожатия руки меня встретила холодная отчужденность. Гарун не смотрел мне в глаза. «Мене, Текел, Фарес» – как на библейском пиру. Время разбрасывать камни, и время собирать камни. Все пройдет, и это пройдет, и очень скоро. И воздастся каждому по делам его.

– Я зайду? – Гарун продолжал глядеть мимо, будто меня не существовало, и обращался он не ко мне лично, а как бы вообще.

Я посторонился. Он разулся и прошел в комнату. Не на кухню, как принято, если пришел в гости. Вместе принимать пищу – сакральный жест. В доме врага не едят.

Я прошел за Гаруном к своей кровати, мы сели. На разные края. Между нами могла проехать машина.

– Ты слышал про Хадю? – глухо спросил Гарун.

– Да.

– От кого?

– Филька звонил.

– Кто ему рассказал?

– Говорит, что, вроде бы, Настя.

– А ей-то откуда известна правда? – Гарун скривился, будто стоматолог вырвал ему не тот зуб и теперь, наконец, взялся за больной. – Такие дикие слухи ходят... Что тебе рассказали?

– Хадю выдали замуж за кого-то, с кем давно помолвили родители. В первую брачную ночь муж ее выгнал. Она вернулась в родительский дом, ее встретил отец, а уже утром, как у вас принято, ее похоронили. Причиной смерти указаны то ли проблемы с сердцем, то ли еще что-то, что молодой девчонке не свойственно. Такая запись в медицинском свидетельстве появилась потому, что врач – родственник. Это правда?

– Насчет врача-родственника? Правда. Остальное – чушь. Впрочем, я слышал и не такое. Говорили даже, что Хадю убил я. Все знали, что свадьба расстроилась, а из-за того, что причину ни одна из сторон не объяснила, сначала пошли домыслы, потом откровенное вранье, потом нагромождения несусветной ереси...

– Хадя жива?!

– Поэтому я пришел к тебе. Не ерзай, сбиваешь. Разговор будет серьезный. На самом деле Хадя сразу рассказала о тебе родителям.

– И?!..

– Она сказала, что сделает, как они скажут. Понятно, что свадьбу требовалось срочно отменять, иначе семью ждал позор. Хадю посадили под замок, а родители отправились к семье жениха. Причину пришлось выдумать. Сказали, что Хадя встретила другого и хочет замуж именно за него.

– Ее мнение кого-то интересовало?

– За кого ты нас всех принимаешь? Не в прошлом веке живем. Несостоявшийся жених, конечно, мог настаивать, и нам пришлось бы держать слово. К счастью, он оказался порядочным человеком. Мы оговорили отступные и разошлись миром. Кстати, – Гарун отвернулся к яркому солнцу из окна и вздохнул, – машины у меня теперь нет. Деньги пошли в общий котел, на откуп.

Я больше не мог сидеть.

– Я все возьму! – Вскочив с места, я начал бурно жестикулировать, словно забивая слова молотком. – Не сразу, конечно...

Гарун поморщился.

– Да седи же ты, – он указал мне обратно на кровать, – я еще не все сказал. С семьей жениха вопрос кое-как утрясли, но Хадя осталась опозоренной в глазах близких. Отец действительно мог пойти на крайние меры, его сдерживала мать.

– Но почему...

– Да сядь же! Не маячь перед глазами, не даешь сосредоточиться.

Я резко сел. Кровать едва не треснула и что-то недовольно проскрипела.

– Ты понимаешь, почему Хадя твердила тебе, что у вас ничего не получится, а когда в чайхане ты заговорил со мной о желании жениться на ней, я даже не рассматривал это серьезно? У нас незыблемая традиция: женимся только на своих. Большинство браков совершаются внутри одной нации. Если что-то не срослось, девушка может выйти за другого дагестанца или, напри-

мер, чеченца или еще кого-нибудь, кого от дагестанца обычный русский на вид даже не отличит. Если дела обстоят настолько плохо, что традиционное замужество невозможно, остается единственное требование, которое никогда не нарушается. Нужно, чтобы избранник тоже был мусульманином.

– Неправда, исключения бывают!

– Правильно сказал. Исключения. В тех случаях, о которых я даже говорить не хочу. В жизни, конечно, бывает всякое, но вот ты, к примеру, отдал бы свою Машку за негра-каннибала?

– То есть, для тебя я людоед?

Впервые мне хотелось не обнять Гаруна, как и весь мир, вернувший мне Хадю, а дать в рожу.

– Я говорю о разнице в мировоззрениях. Мы с тобой можем дружить, но со стороны любому видно, насколько мы разные. И вы, и мы – все стараемся жениться на своих. Хадя должна выйти за мусульманина – это требование родственников, ничто другое не обсуждается. Вокруг нашей семьи множатся домыслы о том, почему договоренность нарушена и свадьба не состоялась. Чтобы успокоить окружающих, новое бракосочетание должно быть отпраздновано как можно быстрее. А кто захочет жениться на опозоренной? Ты не мусульманин, а среди мусульман (имею в виду по рождению, а не истинно верующих) Хадю возьмет какой-нибудь моральный урод, который не даст ей жизни за прошлые грехи. Хадя будет терпеть любые его выходки, она так воспитана. И, втихомолку избитая, она никому не расскажет о своих бедах, мужа будет ставить в пример, а тебя проклинать, как причину всех бед. В конце концов она найдет утешение в детях, и у нее все наладится, насколько это возможно.

– Я понял. Чтобы жениться на Хаде и быть принятым твоей семьей, я должен стать мусульманином.

– Мысль ты уловил точно, но «должен» – неправильное слово, насильно ислам не принимают.

– Что требуется, чтобы стать мусульманином?

– Признать при свидетелях, что нет бога кроме Аллаха и Мухаммад – пророк его.

– Я слышал, что эта фраза называется «шахада», и ее говорят по-арабски.

– Так принято, но, вообще-то, Аллаху все равно, на каком языке ты признаешь всевышнего. Допускается даже форма вопроса-ответа: «Веришь ли ты, что нет бога, кроме Аллаха? – Да. – Веришь ли ты, что Мухаммад – посланник Аллаха? – Да».

Верю ли я? А верит ли сам Гарун?

– Никогда не спрашивал, но теперь мне интересно: ты верующий?

Он отвел взгляд:

– Скажем так: я мусульманин, и для ответа на твой вопрос сказанного мной достаточно. Теперь я жду ответа от тебя.

Я завис, как компьютер, столкнувшийся с непосильной задачей. Вопрос веры – сложный и скользкий. Большинство людей – неверующие, но при этом они принадлежат к народам с определенными религиозными традициями. Гарун практически признался, что не верит в Аллаха, при этом он ярый мусульманин – с точки зрения менталитета. Не совершает намазов, не ходит в мечеть – но жизнь отдаст за соблюдение исламских традиций. Такие традиции – это его культура, они впитаны с молоком матери.

Хадя – такая же. Будь она другой, трагедии не случилось бы.

А я? Какой я?

Звук дверного звонка заставил дернуться и меня, и Гаруна.

– Кто это?

– Не знаю. Я никого не жду. Наверное, это к Машке. Если ко мне – скажу, что занят.

Я пошел в прихожую. Сейчас, когда Гарун здесь, меня обрадовало бы единственное: чтобы за дверь оказались мордovorоты от Люськи-Теплицы. С другом мы решили бы эту проблему раз и навсегда. Путь в областной центр для меня вновь открывается.

Стоп. Почему именно так? То есть, с другом-беспредельщиком я крутой, а без него ничего не могу? И так будет всю жизнь? Зачем же я такой нужен – решатель проблем чужими руками, а сам ни на что не способный?

Не-е-ет, так дело не пойдет. С Люськой и Костей я договорюсь сам – пусть не столь жестко, как мог бы с помощью Гаруна, и все же сам. Я – мужчина, я должен отвечать за свои поступки, а поступать должен так, чтобы не было стыдно.

С чувством необыкновенной легкости на душе я распахнул дверь.

– Привет.

На лестничной площадке нетерпеливо перетаптывалась красиво одетая Даша. Длинные волосы ниспадали на плечи, фигуру облегалo красное платье до середины бедер – короткое и броское. Все мужчины по пути к моему дому должны были, как в фильме «Матрица», оборачиваться на невероятно яркую Дашу, а проезжающие машины врезаться. Гладкие коленки сияли, остальная часть ног тоже словно бы светилась и просто-таки просилась в руки. Вспомнилось классическое: «Люблю я бешеную младость, и тесноту, и блеск, и радость, и дам обдуманый наряд, люблю их ножки, только вряд найдете вы в России целой три пары стройных женских ног...» Времена изменились, или Поэт вращался в таком кругу, где, как среди королевских семейств, все лица вытянутые, а ноги кривые. В России стройных женских ног больше, чем где бы то ни было. Даша – одно из подтверждений правила, которое в Пушкинские времена в аристократической среде было исключением.

Платье Даша выбрала красное, а этот цвет олицетворяет страсть и агрессию. Недаром ярко-красный галстук на международных переговорах считается неприличным – если, конечно, тому, кто носит, есть дело до приличий. Дальше углубляться не буду, это уже политика, а политику я люблю лишь до момента, пока она не начинает любить меня. Впрочем, поприкалываться над политиками сам Бог велел – даже в такой ситуации. Ну, или Аллах – кому какое имя ближе. Бог, если есть, то один, а мы, разные, перекраиваем Его под себя.

– Маши нет.

– Знаю. Я пришла к тебе. Маша сказала, что тебе плохо, и я подумала... Прости. Наверное, я не вовремя. Лучше я уйду.

– Не вовремя, – согласился я.

Даша продолжала стоять.

– Что-то еще? – спросил я.

– Вообще-то, да, мне нужно кое-что сказать. – На лестничной площадке Даша чувствовала себя неуютно, а в квартиру я не пускал. – Не хочу юлить и играть в глупые игры. Тебе плохо. Мне тоже плохо. Мне тоскливо и одиноко так, что хоть вешайся. Когда Маша сказала, что ты дома, что с Надей у вас не сложилось и теперь ты очень переживаешь, я решила зайти. Прости меня за все, что я тогда наговорила...

Очередное дежавю. Только одежда другая.

– Это ты прости, – перебил я, – но сейчас ты действительно пришла не вовремя.

– Ты не один?

– Нет. То есть да. В общем, нет, я не один, да.

Лицо у Даши вытянулось, как у тех особ королевских кровей, которым из-за постоянных внутрисемейных браков генетика подкузьмила.

– А Маша говорила, что у тебя никого нет.

Ворт тибыбыть, она думает, что я с девушкой.

– У меня никого нет.

Дашин взгляд взлетел с пола на меня, в глазах снова засияло:

– Ничего-ничего, я все понимаю. Хочешь, я приду завтра?

Похоже, она решила, что от тоски я привел кого-то на один раз, поэтому, зная, что на кровати за хлипкой дверью меня могут слышать, не боюсь сказать вслух «У меня никого нет».

– Лучше созвонимся. Может быть. Впрочем, вряд ли.

Я закрыл дверь перед ее носом.

В открытом проеме комнаты на краю кровати сидел серьезный Гарун и глядел на меня. Ему нужен ответ. Если ли у меня ответ?

Ответ как бы подразумевался, быть с Хадей – главная мечта жизни... Но снова вмешалась совесть. Что-то глубинное убеждало не торопиться. Не все так просто, как кажется. Чувства – это много, но чувства – не все, что есть в мире.

То, что произошло дальше, сделало бы меня зайкой, если бы не вереница диких снов. Дверь родительской спальни распахнулась, и оттуда, прикрываясь снизу свободной рукой, выскочила Машка. Что-то надеть на себя сестренка не удосужилась: чего, дескать, брат не видел после всего, что случилось в последнее время? Этот ход, как я теперь понимаю, был продуман, он сообщал приехавшему старшему брату: «Я взрослая и занимаюсь тем же, чем и ты иногда, мы все друг о друге знаем, а также знаем, что оба знаем об этом. Зачем же быть ханжами?» Застывшая в коридоре Машка светилась в ярких лучах как на выставке. Растрепанные волосы, по которым прошла только пятерня, полыхали золотом, грудь вздымалась, а пряный запах, принесшийся с сестренкой из родительской спальни, рассказал о подробностях времяпровождения. За оставшейся незакрытой дверью на разложенном диване раскинулся Захар. Увидев меня, он прикрылся простыней.

– Оденься! – крикнул он Машке.

Ему было небезразлично, в каком виде его девушка шастает по квартире. Его невольно вырвавшаяся эмоция – единственное, что порадовало меня в новых обстоятельствах. Я хотел сказать то же самое: «Оденься, дура!» – но события двигались слишком быстро, я не успевал реагировать. Мой рот еще открывался, а Машка уже отмахивалась от назидательного тона Захара:

– Да ладно тебе, мы взрослые люди и все понимаем.

Ее полный проказливого ехидства победный взгляд, наконец-то, скользнул с меня в другую комнату...

– Ой! – Машка с визгом отскочила в прямой видимости назад, в спасительную полутьму родительской спальни. – Я слышала, что пришла Да... А где Даша? И вообще, чего вы дверь не закрываете?! Ты не один в доме живешь!

Ну вот, меня же сделали виноватым. Тактика прежняя: лучшая защита – нападение, а виноватый брат потом возместит моральный ущерб чем-то материально приятным.

Не в этом случае.

– Зачем нам с другом закрываться? – спросил я.

Машка показала язык и, как недавно я перед Дашей, захлопнула дверь родительской спальни у меня перед носом.

Я распахнул ее снова.

– Мы не договорили. Считаю до десяти, на счете «десять» здесь все должно быть убрано, а вас быть не должно.

– Закрой дверь, извращенец!

– Голая передо мной скачешь ты, а извращенец я? Чудесная логика. И если закрою, то у тебя хватит ума, например, забаррикадироваться, или мало ли еще какая шлея тебе под хвост попадет. За ремень братья не хочу. Один.

Стоя в дверях, я отвернулся в коридор.

Сзади слышались шепот, возня и быстрые перемещения. Интонация Машки в нераспознаваемых переговорах звучала недовольно и почти злобно, и если бы не умоляющие нотки в голосе Захара, то сзади мне могли и по голове дать.

– Два. – Я считал медленно, чтобы в суматохе ребятами ничего не забыли.

На счете «восемь» сзади ухнул пружинами сложившийся диван, а при «девяти» меня толкнули в спину:

– Пусти.

Когда Машка с Захаром ушли, я вернулся к Гаруну. Он кивнул в сторону соседней комнаты:

– Считаешь правильным, что сделал? После такого сестра тебя возненавидит.

– А что сделал бы ты, если б застал Мадину в такой ситуации?

Гарун помрачнел.

– Не сравнивай.

– Почему? Мадина очень походила на Машку характером.

– Повторяю: не сравнивай. Вернемся к нашему разговору. Ты хотел жениться на Хаде. Вопреки всему, что я раньше думал о жизни и что допускал, у тебя появилась такая возможность. Шахада, махр, никах – и будьте счастливы. Мои родители тебя примут. Все в твоих руках.

Несколько слов – и Хадя станет моей женой. Невероятно. Согласиться хотелось сразу же, но...

«Все в твоих руках» – любимая фраза мошенников, когда нужно подтолкнуть человека к потере чего-то важного. Бурное море может быть тихим, оно ластится и зовет, при этом оно не перестает быть морем, и неизвестно, какие рифы прячутся под кромкой того, чего не видно.

– Шахаду как термин знаю, а дальше что за слова были?

– Махр – это калым, выкуп. Грубо говоря, это обязательный ценный подарок жениха невесте, после которого совершается никах – бракосочетание. Я знаю, что у тебя нет денег и ценностей. Махр по договоренности можно перенести на время после свадьбы или сделать, например, вот так. – Гарун достал из кармана коробочку и открыл, в ней лежало объемное золотое кольцо с красивым камнем. – Хотел подарить Мадине на свадьбу. Я дам его тебе для подарка, а деньги вернешь потом, когда сможешь.

– Наверное, бриллиант? Это очень дорого?

– Дорого. Твой подарок должен быть значительным, на тебя и так будут коситься. Не бойся, с деньгами я торопить не буду, счастье сестры для меня важнее.

– То есть, на меня все равно будут смотреть косо, даже с таким подарком.

– Ты не видел, что другие дарят. Бывает всякое. И подарок – не главное, но он должен быть, это не менее важное условие чем то, что жених обязан быть мусульманином.

– При переходе в ислам имя меняется?

– Если прежнее не оскорбительно для верующих, менять не нужно. Но, опять же, зачем лишние разговоры? Скажем так: менять не требуется, но всем будет лучше, если ты его сменешь.

– Мне придется сделать обрезание?

– Обрезание – сунна, желательное действие, а не обязательное условие. Мусульманин вполне может быть необрезанным...

– Но? – нарушил я затянувшуюся паузу.

Гарун вздохнул:

– Повторяю: на тебя, русского по происхождению, будут смотреть косо. Если же ты, приняв ислам, останешься необрезанным, то истинно верующие, конечно, слова не скажут, для них главное – соблюдение религиозных обрядов и правильная жизнь, а окружение из неосведомленной молодежи шагу ступить не даст. Когда войдешь в семью, ты примешь всех род-

ственников Хади как своих. Не только мы с тобой станем братьями. К тебе в гости будут приезжать десятки человек, нередко за один раз. Ты не должен выделяться в том, что решается простенькой операцией.

– А если я потом откажусь от новой веры?

Голос Гаруна стал глухим:

– Такая возможность, конечно, существует – теоретически. Проблем всего две: второй раз ислам принять нельзя, а для нас ты станешь чужим. Мусульманке нельзя быть замужем за иноверцем.

– Я читал, что христиане и евреи, как единобожники...

– Иудеи, а не евреи, – поправил Гарун. – Впрочем, один хрен. Прости что перебил.

Правильно, национальность и вера – вещи разные, но среди евреев язычников не встретишь, воспитаны они, как правило, в культуре единобожия. Некоторые, бывает, принимают крещение или ислам, то есть в любом случае остаются «людьми Писания» – верующими в Единого.

– Коран же не запрещает брать в супруги «людей Писания»? – козырнул я познаниями.

– Мусульманин может жениться на единобожнице, пусть такой поступок и не одобряют догматики, а наоборот – нельзя, женщина из мусульманской семьи должна выйти замуж исключительно за мусульманина. Ты любишь Хадю?

– Да.

– Ты хочешь взять ее в жены?

– Да.

– Ты сделаешь все, что для этого необходимо?

Горевшая во мне любовь требовала быстрого и безоговорочного «да».

Я молчал.

В далеком детстве самой крутой и, соответственно, казавшейся самой дорогой деньгой мне представлялись пять рублей – большая тяжелая монета. Остальные деньги уступали в размерах и весе, и для меня, ребенка, который только начал разбираться в жизни, они проигрывали в значимости. Бумажные же деньги казались фантиками, в которые, как конфеты в обертку, можно, например, завернуть настоящие металлические.

Как понять, что я уже разбираюсь в чем-то? Фантик может быть очень красивым и притягательным, но он остается фантиком, его выбрасывают. С другой стороны, обидно потереться пятитысячной купюрой, если по какой-то причине главным в деньгах считаешь вес.

Вера. Мои предки отдавали за нее жизнь. Я крещеный, и православие, даже если я не верю в Бога, – часть меня. Так получилось само. Мои родители тоже внешне вроде бы неверующие, но о том, что за чертой, периодически задумываются, и чем дальше, тем больше. Отречься от своей веры и принять другую – очень просто, если на словах, а не по-настоящему. Но слова придется наполнить поступками. А если мои нынешние представления о жизни – все еще монетки? Ими, тяжелыми и удобно лежащими в руке, можно, к примеру, запустить соседу в глаз, но купить на них что-то путное – невозможно.

Жечь бумажные деньги лишь потому, что не понимаю их ценности – глупо. Когда за что-то отдают жизни, оно должно стоить дорого, очень дорого. Тысячи, если не миллионы, моих предков умерли за веру. Такими предками люди гордятся. В том числе я – не понимаю, но горжусь. Они – великие. Они построили великую страну и создали великую культуру. Ромео и Джульетта умерли за любовь – их жалеют. В меню – два пункта, вера и любовь, люди гибнут за то и другое, отношение к павшим – гордость за первое и жалость за второе. Что выше и значительнее, если забыть о сиюминутных страстях?

А предателей и перебежчиков не любит никто, ими пользуются, но их презирают и никогда не считают своими, пусть хоть из кожи вылезут, хоть имя сменяют.

Сейчас для меня вера – набор бессмысленных слов. Легко могу сказать, что верю в Отца, Сына и Святого Духа, а могу – в Аллаха и Пророка Его Магомета. Или в Гаутаму Будду. Тоже, в принципе, неплохая религия. Жил себе царевич, в ус не дул, потом задумался о главном в жизни, бросил царство и красавицу жену и отправился сидеть под деревом, отрешившись от страстей.

Что будет, если моя страсть пройдет? Сейчас в столь глупую идею, конечно же, не верится, как и в Бога. Но кто сказал, что я знаю все, причем – вперед на все времена?

Сказать можно все, и все будет неправдой. И за слова придется отвечать. Перед людьми. Затем – перед собой. А если потом еще и перед Богом...

Гарун ждал моего решения.

Я думал.

Часть 4. За мечтой

Морали в этой истории нет никакой, потому что ее и в жизни почти не осталось. Остается только «спасибо» сказать, что к нам с вами она никакого отношения не имеет.

Михаил Успенский, «Семейный роман»

Глава 1. Воскрешение

И опять – родительская квартира, я в трусах лежу в своей постели, а по стене ползет утренний луч. В застопорившихся мозгах все перемешалось. Что – правда, а что – нет?! Не исключено, что на самом деле все наоборот, и сейчас мне снится родительская квартира. Наяву ли приходил Гарун с рассказом о Хаде или мне привиделся очередной глюк? Наяву ли я проснулся теперь?

«Наяву ли, наяву ли, ная-ная, вули-вули ...» – певуче звучало в пустой голове на мотив кришнаитской мантры. А часы с календарем показывали то же утро – как в известном фильме «День сурка», только события не повторялись, а подкидывали сюрпризы. То Гарун пришел убить меня, то не меня, то меня, но не Гарун, а Данила – убить меня так, чтобы подумали на Гаруна...

Вновь заснуть не удастся. Вялое потягивание не взбудило, и, наскоро посетив туалет, я отправился готовить кофе.

По ушам ударил звонок в дверь – долгий, требовательный. Что на этот раз? Точнее, кто? А если снова Гарун? Не снова, конечно. Он приходил не по-настоящему, а только в моих «наявулях». И не понравились мне его визиты – от версии с «зеркалкой» до сих пор потряхивает, и, тем более, я не люблю, когда в меня ножиком тычут, даже если факт тычка остался за кадром, а не как в варианте с Данилой. Если бывший друг придет, чтобы ткнуть – он в своем праве, я действительно опозорил его сестру. Не важно, что хотелось мне совершенно другого. Так сложились обстоятельства. То, чего мне хотелось, я получил, пришло время расплаты.

А если меня разыскали очередные «знакомые» Люськи? Или, например, Костя передумал, и за дверью – внушительный Валера с какой-нибудь насыпной штучкой в руке, от которой внешних следов для предъявления следствию не останется, а избитое тело позавидует состоянию, которое было после встречи с Люськиными друзьями?

Двигаясь как сомнамбула, я накинул банный халат и, словно в шпионском боевике, встал сбоку от двери. Вряд ли кто-то будет стрелять, но инстинкт самосохранения толкнул на эту глупость.

Глупость ли? Посмотрим.

– Кто? – громко спросил я.

– Кваздапил, это я, – донеслось снаружи.

Грубоватый гортанный голос не спутать с другими. И многократно слышанную фразу. Я открыл дверь.

До проблемы рукопожатия – быть ему или нет – даже не дошло, сокрушающий удар в грудь отправил меня в нокдаун. Я пришел в себя на полу – Гарун едва сдерживался, чтобы не запинать до смерти.

– Я верил тебе как брату, а ты...

Просить прощения глупо.

– Я сожалею и все понимаю. Что бы ты ни сделал, это будет справедливо, потому что я виноват. Не тяни.

Ярость в глазах Гаруна немного утихла.

– Поговорим. – Он нервно прошел на кухню и бухнулся на табурет.

Поднявшись и оправив халат, я сел по другую сторону стола. Грудь страшно болела.

Поговорить – это здорово. С приговоренными не разговаривают. Разве только о последнем желании. Если сейчас именно такой случай, то я хочу, чтобы никто не пострадал, то есть чтобы родители и сестра не увидели убитого сына, а Гарун не сел в тюрьму. Лучше я сам брошусь с крыши или под машину. В любом случае, в большинстве снов все было хуже, чем в реальности, там со мной не разговаривали.

– Ты знаешь? – спросил Гарун.

Он глядел в пол.

– О свадьбе и что было после? Вчера рассказали.

– Ты понимаешь, что мой отец не мог поступить по-другому?

– Да.

– И понимаешь, что Хадя тоже не могла поступить по-другому?

– Понимаю разумом, но не душой. Если бы ты в свое время дал мне шанс, Хадя была бы жива и счастлива.

– Жива – возможно, хотя и не точно, потому что отец не допустил бы такой свадьбы. И уж точно сестра не была бы счастлива, без согласия родителей это невозможно.

– Я говорю о другом счастье. О личном.

– А ты живешь в вакууме?

– Ты же понимаешь, о чем я...

– А ты – о чем я. Не перебивай. Расскажу одну занимательную и очень грустную историю. Я присутствовал на странной свадьбе, где соединенные обычаем новобрачные глядели друг на друга волком и глаза невесты вместо радости переполняло тоскливое смирение.

– Ты говоришь о свадьбе Хади?

– А о чьей же еще, маймун тупоголовый?! По твоей прихоти самый светлый день в жизни любой девушки завершился кошмаром. Когда опозоренная Хадя вернулась среди ночи, разъяренный отец хотел убить ее, так поступить требовала честь.

– Так поступить требовали дикие традиции.

– Не нам с тобой решать, что дико, а что нет. Твоя сестра переспала с кучей мужиков, иногда – за материальные плюшки. Даже если ее заставили, для меня ее поступки – дикость. Честь требовала от твоей сестры умереть, но не допустить и, тем более, не совершать неприемлемого.

В недавнем сне Гарун признался мне, что Машкины «художества» выплыли наружу, но то был сон. Подсознание чего-то боится, и, когда сознание спит, страх заставляет картинку материализоваться. Ночью страхи оживают, а потом приходит утро и рассеивает их. Сон не может быть явью, потому он и сон!

– Эти слухи про Машу...

Гарун перебил:

– Когда люди рискуют жизнью, чтобы по чьей-то просьбе раздобыть технику со значимыми файлами, они копируют добычу. На всякий случай. То, о чем говорю, я видел своими глазами. Не переживай, тех записей больше нет – я понял, почему пришлось прибегнуть к таким мерам. Сейчас я рассказываю про свою сестру, а не про твою. Тебе интересно?

– Очень.

– Мы как раз подошли к главному. Я же зачем-то пришел к тебе? Пришел. Поэтому слушай. Я совершил неслыханное: встал на пути отца. Вопреки всем традициям и обычаям. На кону стояла жизнь родного человека, и у меня не было выбора. Вернее, выбор был, и я его сделал – не тот, правильный для моего окружения, а тот, который вызвал радость в глазах матери. В ту секунду мама тоже проклинала вековые традиции и обычаи. Пусть не покажется, что хвастаюсь, но я не последний боец смешанных единоборств и боев без правил, и кое-что могу даже после ранения. Я утихомирил отца. Когда он понял, что со мной не справится, я сказал: «Ты потерял дочь. Если сделаешь то, что собираешься, то потеряешь вторую дочь и сына». В таких делах словами не бросаются. Он понял, что я не отступлю. Я забрал бы Хадю и уехал, обменявшись с родителями проклятиями. Разве кто-то хочет такой судьбы? Отец и сам не хотел убивать дочь – его руку направляли воспитание и общественное мнение. Он стал искать выход. Это было сложно. Позор семьи смывается только кровью. К делу привлекли мамино

брата, и Хадю «похоронили». – Дважды синхронно согнув по два пальца приподнятых рук, Гарун сделал знак кавычек.

Я буквально растекся по табурету.

Когда мне доводилось слышать выражение «второй раз родился», я, оказывается, не понимал смысла. Для кого-то вторым рождением становилась опасная ситуация – не погиб, не сбили, кирпич свалился не на голову, а рядом, а упавший самолет улетел в рейс без тебя.

У меня было чувство, что я снова родился. Сейчас я понимал, что это значит.

– Хадя жива?!

Как во сне, лицо Гаруна расплылось перед глазами. Разница в том, что сейчас был не сон. По щекам текли слезы.

Я плакал. Именно это, как ничто другое, убедило Гаруна, что он все сделал правильно.

– Я пришел за подтверждением, что ты тоже отвечаешь за свои слова. Ты говорил, что любишь Хадю. Ты женишься на ней?

– Да!

Для ответа не требовались раздумья, ответ жил во мне давно, он временно умирал и родился вновь – свежий, жаркий, искренний. Гарун улыбнулся:

– Несмотря на то, что всю жизнь придется прятаться? Подумай о том, что будет дальше.

– У Хади нет никаких документов?

– Тетя Патимат, близкая родственница, работает в паспортном столе. Одна из ее дочерей, Нажабат, в возрасте твоей сестренки собралась на Ближний Восток – познакомилась с кем-то в сети и поддалась пропаганде. В интернете девушек не столько идеями цепляют, сколько личными отношениями. Сетевая «любовь» быстро развивалась, девчонка с ума сходила по виртуальному другу и его жизни «во славу халифата». С тех пор прошло шесть лет. Дядя Магомед отобрал у Нажабат паспорт, который она только что получила, и не позволил сделать документы на выезд. Не помогло. С помощью «друзей» из сети Нажабат улетела в Турцию по чужому паспорту, там ее следы потерялись. Может быть, она погибла где-нибудь под бомбами или ее продали как вещь еще в Турции. Жаль девчонку. Молодая, глупая. А документы остались. Тетя Патимат оформила за дочку заявление о смене имени, и под это дело в новом паспорте появилась фотография Хадижат. Хадю возродили под новым именем. – На губах Гаруна вновь заиграла улыбка, хитрая и намного шире той, что была до грустного рассказа про сгинувшую за границей родственницу: – Нажабат стала Надеждой. Теперь по документам Хадя-Надя на два года старше. По легенде, последние шесть лет, с тех пор как получила паспорт, она сидела дома – ткала ковры на продажу. У нас многие занимаются таким промыслом постоянно или периодически, станки есть почти в каждом доме. После того, как Хадя возьмет твою фамилию – а я надеюсь, что так и будет...

– Будет! – выдохнул я.

– ...следы запутаются еще больше. Документы у Хади не «липовые», внесены во все базы данных, но есть закавыка: чем чаще они будут всплывать, тем больше шансов на перекрестные проверки. Сам понимаешь, чем грозит разбирательство. Бумажка может оживить человека, она же его убьет. И не только его, а всех, кто участвовал и помогал. – Гарун помолчал, после чего его губы вновь растянулись в улыбке, но теперь она стала жесткой: – И еще. Если что – развод тебе не светит, я не потерплю, если мою попавшую в беду сестру бросят, пусть по документам она мне теперь не сестра.

– Даю слово...

– Не клянись, жизнь длинная, в ней все бывает. Просто помни, что я сказал.

– Где Хадя сейчас?

Гарун помрачнел.

– Переходим к самому главному.

– Мы уже переходили, – наперекор его тону весело напомнил я.

Хадя жива, теперь ничто не обрушит моего настроения. Жива! Остальное решаемо. Если Хаде... Наде нужна помощь – я разобьюсь, но совершу все возможное и невозможное. Если у нее что-то со здоровьем – будем лечить. Возможно, несостоявшийся муж сделал что-то с ее лицом. Или разъяренный отец, пока его не остановили. Или не только с лицом. Ну и что? Я полюбил не за внешность, внешность вторична. Я навсегда запомню Хадю такой, какой она была в нашей квартире. Мне нужна не оболочка, мне нужна суть.

– Значит, переходим к самому-самому главному, – проворчал Гарун. – В ту ночь, когда отец чуть не убил Хадю, я тайно отвел ее к бабушке Сапийт – после смерти дедушки Алигаджи, отца моей мамы, бабушка живет одна в частном доме в горах в пригороде Махачкалы. У нее небольшое хозяйство – скот, огород. Пока здоровье позволяет, она справляется. Сейчас Хадя прячется у нее, помогает по дому. Во двор ей выходить нельзя, чтобы соседи не увидели. Даже к окнам приближаться нельзя, а когда кто-то приходит в дом, она сидит в подполе. Для людей и государства прежней Хади не существует. И теперь, наконец, поговорим о том, ради чего, собственно, я пришел. Если ты любишь Хадю и хочешь на ней жениться, тебе нужно ехать за ней в Дагестан.

Глава 2. Подготовка

В Дагестан? Да хоть в другую Галактику своим ходом. За Хадей я готов отправиться на край света, причем сейчас же, в халате поверх трусов и без денег.

Сейчас не получалось, путешествие за воскресшей любовью – настоящая экспедиция, требовалась основательная подготовка. Утренние лучи сползли в узкую полосу под подоконником и рассосались, часы летели, как мои прежние мечты – быстро, тягостно и с забрезжившим впереди светом выхода из ситуационной задницы, поглотившей меня в последние дни. Урчал холодильник, привычно капала вода из крана, пахло солеными огурцами.

И пахло надеждой. Впервые за долгое время.

План, как вывезти Хадю, чтобы не попасться на глаза посторонним, мы с Гаруном обдумывали до вечера – сначала за чаем, а на обед я разогрел кастрюлю борща из холодильника. Машка на обед не вернулась, поэтому я с легким сердцем отдал ее порцию Гаруну. Если бы сестренка пришла домой, я поделился бы своей порцией. Ничего другого из съестного в квартире не нашлось, только трехлитровая банка с огурцами, засахарившееся варенье и майонез. Майонезом мы заправили борщ вместо сметаны. С чаем хорошо пошли бутерброды с вареньем поверх масла, остатки которого я добыл со стенок масленицы. От соленых огурцов Гарун отказался, летом он предпочитал свежие или никакие. А мне было все равно. Еда требовалась как энергия для организма, сейчас я съел бы сухой овес – мысли витали в небесах, перед глазами разворачивались невероятные картины и перспективы, в голове зрели почти детективные сюжеты. Некоторые из сюжетов озолотили бы меня, предложи я их голливудским продюсерам.

В Дагестане многие жители знают друга, родственные связи очень сильны. То, что на дворе двадцать первый век, конечно, сказывалось, немало дагестанцев воспринимало старинные традиции как пережиток, но говорили о такой «ереси» исключительно в своем кругу или вдали от родных мест. Чем старше становились люди, тем сильнее они блюли обычаи предков. Если «воскресшую» Хадю случайно увидят, ее семье не отмыться от позора – и это не говоря об уголовном наказании за фиктивные похороны живого человека и подделку документов. Тогда можно хоронить или провожать в «места не столь отдаленные» всю семью.

Примерный план Гарун составил заранее, теперь мы прорабатывали детали и одну за другой громили и отменяли мои глупые идеи несведущего человека.

– Самолет, поезд и автобус для поездки не подходят, – объяснял Гарун, – Хадю не должны видеть посторонние. Вариант остается один – ехать на машине. Такси брать нельзя, мы не миллионеры.

А таксист – лишний свидетель и потенциальная угроза нашему предприятию, тонкостей поездки ему не объяснишь. Или придется раскрывать карты, что тоже неразумно.

– Помощь друзей – тоже не вариант, – продолжал Гарун, – любая ниточка может натолкнуть свидетелей на ненужные мысли, а случайное слово привести к трагедии.

– Машина должна быть только своя, – вывел я естественный итог.

Гарун кивнул:

– Остальное опасно из-за непредсказуемости владельцев и водителей.

– Значит, поедем на твоей.

Другого варианта я не видел. Машина Гаруна мне знакома, в пути можно меняться, и через несколько дней случится то, о чем...

Гарун помотал головой:

– Моя ласточка для такого дела не годится.

– По-моему, она достаточно надежна.

– Я говорю не о поломках в пути, хотя от них тоже никто не застрахован. «Лада» оформлена на меня и однозначно укажет на организатора и соучастника нашего «похищения невесты».

О том, что Хадю мы похищаем, до сих пор даже не думалось. А ведь верно, как же иначе расценить тайный вывоз человека с одной территории на другую? Постепенно приходило осознание, что не все так радужно, как показалось сначала.

Как и где ехать Гарун уже продумал, требования к машине выставлялись условиями, в которых она должна себя оправдать:

– Машина для поездки нужна солидная, чтоб вызывала зависть и, желательно, страх у тех, кто ищет приключений. Задиристая шпана на дорогах должна уважать, иначе будут разборки – не там проехал, не так посмотрел, и вообще, «ле, чо вылутился, самый борзый, да?» Нужно быть над ситуацией, чтобы не рамсанули.

– Чтобы что?

Направление мысли я уловил, а последнее слово в такой форме встретилось впервые. Рамсами уголовники иногда называли игральные карты, и до сих пор я слышал термин лишь в пронизанном «блатной романтикой» выражении «Ты чо, в натуре, рамсы попутал?!», что означало лезть не в свое дело или нарушить неписаную иерархию.

– Чтобы на гоп-стоп не взяли, – объяснил Гарун один жаргонизм другим жаргонизмом. – Цвет машины должен быть черный или, в крайнем случае, белый, она должна быть достаточно проходимой, надежной и большой, чтобы спать в ней несколько ночей в дороге туда и обратно. Путь неблизкий. Сначала два-три дня по трассе до Самары, оттуда на Волгоград, затем через Элисту в Ставрополье.

– Я слышал, что через Грозный дорога ведет отличная и, говорят, безопасная.

Гарун уклончиво повел плечами:

– Да, можно ехать через Чечню, но зачем? Качество трассы – это, конечно, здорово, но в пути будут частые проверки документов, выигрыш во времени сойдет на нет. И нам нужно не быстрее, а незаметнее. Лишний раз лучше не останавливаться и из машины не выходить. Для этого нужны большой бак и экономичный двигатель, чтобы не сворачивать к каждой заправке, как большой недержанием в кусты.

– Не представляю, что подходит под твоё описание.

– Представляешь, просто боишься себе признаться. Итого, от машины требуется: надежно проехать расстояние в несколько тысяч километров, возможность спать в ней, проходить без дозаправки большие дистанции, ездить по камням и, если необходимо, по песку и грязи – на случай, если придется уходить с асфальта в горы или в степь. Успех зависит от плана в целом, нельзя, чтобы хоть один пункт пошел наперекосяк.

– Получается, нам нужен внедорожник?

Предположение – именно из той сферы, о которой Гарун сказал, что я боюсь представить. Еще бы не бояться. Мне на обычную машину наскрести не удалось, а тут...

Гарун серьезно кивнул:

– Для нашей цели подойдет любой рамник, лучше дизельный, чтобы реже заправляться. Полный привод, автоматический или подключаемый – обязателен, последний отрезок пути на пузотерке не проедешь.

– Рамный внедорожник – это дорого, – грустно указал я на очевидный факт.

– А ты как думал? Все, что нам нравится, либо дорого, либо незаконно, либо аморально.

– Либо ведет к ожирению, – закончил я список.

Гарун бородатую шутку проигнорировал, сейчас он мыслил практическими категориями:

– «Немцы» нам не по карману, и, если они старые, то часто ломаются. «Американцы» недолговечны и сложны, бэ-ушный в нормальном состоянии вообще не найти. Подержанные «китайцы» ненадежны, новые напоминают лотерею, а нам нужен результат десять из десяти.

Любой прокол стоит жизни и смерти. Предлагаю брать подходящего «японца» – старенького, да удаленького.

– А как тебе «корейцы»? – спросил я.

Многие хвалят корейские машины именно за соотношение цены и качества.

– У корейцев после древних «Галлопера» и «Терракана» не было настоящих внедорожников, а кроссовер для наших целей не подойдет – плох на бездорожье. Слышал поговорку: чем круче джип...

– Тем дальше идти за трактором, – закончил я.

– Мы должны проехать там, где водитель трактора будет лишним свидетелем. Ты готов убирать всех лишних свидетелей?

Вопрос был риторический. Я молча слушал дальше.

– В Дагестан въедешь через Южно-Сухокумск, а обратный путь пройдет через калмыцкие степи, чтобы не попадаться на глаза одним и тем же пограничникам.

У меня на языке уже крутился вопрос, но последнее слово поразило, и сначала я спросил другое:

– Каким пограничникам?

Дагестан, вообще-то, уже пару веков как часть России.

– Это я про полицейских на въездных постах, там проверяют документы, обыскивают машины и записывают въехавших-выехавших. Контроль на постах чуть проще, чем настоящий пограничный, но похоже. Если у тебя все получится, то по республике обернешься за несколько часов, поэтому пусть пускают тебя одни, а выпускают вместе с Хадей в другом месте другие. Кроме русских пограничников, ни один человек не должен увидеть Хадю, поэтому на посту ты должен быть тише воды и ниже травы и выводить Хадю лишь после того, как остальной народ пройдет, особенно если перед тобой окажется полный автобус народу или даже не один. Если с вами случайно пересечется хотя бы один знакомый, который ее знает, всем нам крышка.

– Понятно. – В голове звучало: «В Дагестан въедешь через Южно-Сухокумск...» Отсюда и далее в речи фигурировало единственное число, и я, наконец, спросил главное: – Предлагаешь мне ехать одному?

– Мне с тобой нельзя. Те, кто увидит тебя, не должны связать твою поездку в Дагестан с моей семьей, я не должен засветиться как твой соучастник – естественно, не для полиции, а для родни обиженного мужа и общих знакомых.

Одно дело ехать в горную республику с другом-дагестанцем, совсем другое – в одиночку. Перед глазами понеслись кадры из теленовостей: на Кавказе опять кого-то взорвали... поймали... застрелили... взяли штурмом... нейтрализовали... опять взорвали...

– Боишься террористов из телевизора? – понял Гарун. – Не суйся далеко в леса и горы без друга или проводника, и даже не узнаешь, что подпольщики где-то существуют. Они воюют с властью, а не с приезжими. Их мало, и если увидишь, что куда-то спешит военная техника и автоматчики в броне и шлемах – значит, скоро станет еще меньше. Приезжий может угодить в переплет в любой точке мира, не только в Дагестане. Чтобы не влипнуть в неприятности, просто будь человеком. Смотри, как поступают другие. Не забывай здороваться, обязательно говори «Ва-алейкум ас-салам», если поприветствовали «Ас-салам алейкум», а сам, когда приветствуешь кого-то первым, лучше скажи «Здравствуйте». Не ходи в шортах. Не дотрагивайся до женщин.

– Разве существует и такой запрет? В новостях показывали, как местная молодежь спокойно ходит по Махачкале, держась за руку, а туристы вообще...

– Я говорю в общем. Если влюбленные держатся за руку – такое поведение нормально, а обниматься или целоваться – предосудительно. Для приезжих допускаются поблажки, но лучше не нарываться. Если тронешь чужую женщину – последствий, скорее всего, не избежать, и в тогда не забывай, что на Махачкалу приходится больше чемпионов по всяким единобор-

ствам, чем на любую страну мира в целом. – Гарун усмехнулся. – Из-за этого любой титул «чемпион мира» звучит не так мощно, как «чемпион Махачкалы». Знаешь анекдот про трех портных на одной улице в Одессе?

– «Лучший в Европе», «Лучший в мире» и «Лучший на этой улице». Расскажи, из-за чего еще могут возникнуть неприятности. Из-за каких местных особенностей.

Гарун с минуту прихлебывал чай, глядя, как забравшаяся на дерево кошка за окном собиралась броситься на воробья. Она долго готовилась, приноравливалась, приседала на задние лапы, припадала передними, нервно раскачивала задней частью, пристраиваясь, точно курица в гнезде на яйцах...

Воробей, в конце концов, не дождался и улетел, а Гарун созрел для ответа.

– Общее правило для приезжих и местных: дураков хватает везде, дураков не любят нигде. Оставайся собой и не поддавайся на провокации. Смотри, как поступают другие, делай так же. Если все ездят непристегнутыми – тоже не пристегивайся, чтобы не вызвать подозрения: уж не нарушаешь ли ты, такой правильный, закон более серьезно – с трупом в багажнике, гранатометом под сиденьем и героином в пакетах внутри бензобака? В пути лишний раз не останавливайся. Например, если кто-то непонятный сядет на хвост, просигналит фарами и начнет выжимать на обочину – если это не по поводу, что плетешься как черепаха и дай, мол, проехать, то наперекор всем гони до ближайшего поста полиции и там объясняй ситуацию. В республике в целом все спокойно, но расстояния большие, а народ разный, и, как везде, за машиной одиночки, который не может за себя постоять, или за красивой девушкой могут поохотиться какие-нибудь отморозки. В семье не без урода. Кстати, купи с запасом пленку для тонировки, чтобы снова тонировать, если заставят снять. По дороге туда передние стекла оставь чистыми – не давай повода лишний раз остановить машину и попадаться на глаза хоть кому-нибудь, а по пути обратно можно закрыться по кругу, лишь бы изнутри дорогу было видно.

– Значит, опасность все же есть?

– Не больше чем везде, – раздраженно бросил Гарун. – Я подготавливаю тебя к самым диким и невероятным ситуациям, потому что от твоего успеха зависят жизни. И вот что я еще подумал... Одному ехать тоже нежелательно. Русский парень-одиночка вызовет подозрения сразу, на въезде. Мало ли, зачем он в Дагестан собрался? Девяносто девять процентов, что за неприятностями для себя или для кого-то другого. Наши доблестные внутренние органы не любят проблем, проблемы проще предотвратить, чем бороться с последствиями, и чтобы от нежелания проблем полицией проблемы не возникли у тебя, ехать в Дагестан надо с кем-то. В идеале – с родителями... но в Махачкале они нам весь план поломают. Нельзя твоих родителей с моими сводить, еще не время.

«Еще не время», – пропела моя душа со счастливой улыбкой. «Еще»! Недавняя несбыточная мечта перестала быть несбыточной. Все препятствия и опасности, о которых говорил Гарун, потеряли смысл и улетучились. Я, наконец, полностью поверил, что все происходит наяву. Хадя жива, она ждет меня, а я скоро поеду к ней! Хотелось расцеловать весь мир, включая гаишников и депутатов. В эту минуту я понял, о чем говорил Христос. «Заповедь новую даю вам: да возлюбите друг друга».

– Если получится, возьми с собой девушку, – предложил Гарун. – У тебя найдется знакомая, чтобы любила приключения, но не позволила лишнего с женихом моей сестры? Если переборщишь со свободой отношений, я ведь обидеться могу.

– Такой нет, но, если надо, найду. Любую найду. Не найду только такую, как Хадя.

– Хороший ответ. Ты будто готовился. Кстати, как вариант – предложи совместную поездку сестренке, путешествующие брат с сестрой не вызовут вопросов.

– Предложу.

– Маршрут будет такой: московскими трассами до Волги, оттуда по степям в Нефтекумск Ставропольского края, он будет крайней точкой перед границей. Там можно отдохнуть в гостинице, а въехать в Дагестан нужно ночью, едва стемнеет. Если ничего не случится и все получится, то к утру вы с Хадей еще затемно будете в Калмыкии. Теперь запоминай. В Бабаюрте можно уйти главной дорогой на Хасавюрт, там трасса лучше, но полицейских постов больше, или можно проехать более крученым путем ближе к морю. Окончательный маршрут выберешь на месте, по обстановке. В Махачкале держись ближе к горам, вдоль Альбурикента и Кяхулая до поворота на Тарки. Это за Талгинкой на склоне горы.

– Я помню, мы с тобой эту речку на спор по водопроводной трубе на велосипедах пере-езжали.

– Точно. Дальше придется покрутиться. Тебе нужно забраться выше по склону Тарки-Тау, мимо небольшой мечети и дальше вверх. Свои там ездят на всем, что ездит, а без привычки можно не справиться. Асфальт кончится раньше, чем хочется, дорога будет кривая и узкая, по крутизне кое-где даст фору трамплинам. Поэтому тебе нужны полный привод и хорошие злые шины. Точный адрес и схему проезда скину позже, ни названия улицы, ни номера дома я не знаю, там их практически не указывают, а визуально – старый домик с забором из битого камня, как две капли воды похожий на соседние. Без схемы не найдешь. Если заблудишься и придется расспрашивать местных, то говори, что приехал купить урбеч. Помнишь, что такое урбеч?

– Сладкая паста вроде арахисовой.

– Можно сказать и так. – Гаруну не понравилось мое сравнение, но на возражения он не отвлекся. – Бабушка делает его на продажу, вопросов не возникнет. Правда, соседи могут предложить купить у них – тогда добавь, что тебе нужна именно бабушка Сапият, чтобы передать посылку внуку в Россию. Съезжая с горы, постарайся именно съехать, а не скатиться боком, второго шанса у нас не будет. Для поездки купи себе хороший спортивный костюм любого цвета, при условии, что он черный.

– Шутка?

– Ага. Просто черный. Еще не мешало бы постричься – чем больше будешь похож на драчуна и бандита, тем больше уважения вызовешь в глазах возможных двуногих неприятностей. Темные очки не надевай, при разговоре надо смотреть людям в глаза. А смотреть надо так, чтобы в тебе чувствовали силу. Первый взгляд определит, волк ты или баран, отношение построится на твоём ответе.

– Постараюсь. То есть, сделаю, – поправился я. – А когда на посту или при внезапной проверке документов полиция поинтересуется целью приезда – говорить «за урбечом»?

Я сам понимал, что звучит глупо, но «полюбоваться достопримечательностями» или «искупаться в море» – тоже не лучшие обоснования короткой ночной поездки.

– Говори «в гости». Можно добавить, что не успел на свадьбу, теперь хочешь погостить у пригласивших друзей. При крупных проблемах называй мое имя и говори, что ты мой побратим, но только в случае проблем. В остальное время ты сам по себе. Если с тобой поедет сестра, пусть она сидит сзади и прячется за тонировкой, не нужно посторонним видеть симпатичную девушку в обществе русского парня, который в машине один. Люди у нас хорошие, но, как уже говорилось, в семье не без урода, и лучше не провоцировать. Лихих джигитов во все времена хватало, а здесь ты создашь ситуацию, где кроме уголовного кодекса никто и ничто тебя не защитит – ваши обычаи не понимают кровной мести. Некоторые наши парни воспринимают такое дозволением к безнаказанности – нарушитель наших традиций однозначно выглядит провокатором, и если дойдет до разбирательства, никто не гарантирует, что полиция встанет на твою сторону.

– А брат-следователь и дядя-прокурор с удовольствием докажут, что в чужой арбе своих песен не поют, – с кислой улыбкой закончил я мысль Гаруна.

Хотел сказать «в чужой монастырь со своим уставом не лезут», но вспомнилась восточная поговорка, и я козырнул знаниями.

Гарун хмуро продолжал:

– На обратном пути Хадя тоже пусть сидит сзади и никуда не выходит. Одежду ей нужно привезти современную и в то же время скромную, чтобы сестра чувствовала себя комфортно и не выглядела, будто ее похитили. Я передам кое-что из оставшегося, должно подойти.

Я решился заговорить о теме еще не затронутой, от которой зависел весь несусветный проект:

– Все выглядит хорошо, но где взять деньги на подходящий внедорожник?

Без необходимой нам машины предыдущие разглагольствования казались болтовней бомжей на свалке о том, какую бы яхту они купили.

Гарун посмотрел на меня взглядом учителя на двоечника:

– Занимай, где сколько сможешь. Я тоже дам сколько найду. И, считай, больше половины суммы уже собрано – я продам свою «Ладу».

Машина – все, что у него есть, я не мог принять такую жертву. Нужно искать другой выход. Гарун правильно оценил мое молчание.

– Хочешь отказаться? Не выйдет. Это мой подарок вам на свадьбу, от подарка не отказываются. – Он глянул на часы и спохватился: – Электричка через двадцать минут?

– Да. Следующая через четыре часа, в ночь.

– Мне пора. – Гарун поднялся.

– Почему ты не на машине?

– Не хочу случайно разбить перед продажей. – Он давно все решил, а приехал только за моим согласием. – Созвонимся.

Глава 3. С вещами на выход

Пункт плана номер один – сбор денег – выполнили за два дня. У меня заглашник был пуст, продать было нечего. Машка сказала, что на нужный срок займет мне все, что у нее есть – понимает, что вернуть у меня получится нескоро. Кроме суммы за свою машину в общую копилку немало добавил Гарун – занял или продал что-то еще. Мама сняла в банке скромные семейные сбережения, а у папы оказалась кредитная карточка на большую сумму – можно будет снять сколько не хватит, если машина окажется дороже того, что уже собрали.

Подходящий автомобиль подыскал Гарун. Выбор пал на крепкий десятилетний «Пасфайндер» в хорошем состоянии, дизельный, черного цвета. Внедорожник только что пригнали в дилерский салон, и Гарун, поняв, что лучшего варианта, скорее всего, не найти, сдал туда «Ладу» в зачет стоимости. Если бы к тому времени автосалон взялся за предпродажную подготовку, цена выросла бы неимоверно. У выбранного автомобиля были недочеты, но они нас устраивали. Условие трейд-ина, чтобы оформленную на себя машину взаимозачетом сдавал именно покупатель нового автомобиля, обошли переговорами с менеджером, тот выслушал нас и за минуту утряс вопрос с начальством. Осталось доплатить сравнительно немного. В тот же день папа вручил мне снятый в банкомате остаток, и следующим утром мы с Гаруном стояли в светлом салоне дилера. Дилерский центр находился в областном центре, и, помня о словах Кости насчет нежелательности моего здесь появления, после электрички пришлось брать такси, чтобы ни с кем не пересечься.

Стеклянная коробка автосалона стояла на выезде из города, я специально приехал пораньше, к открытию дилерского центра, чтобы за день покончить с формальностями. Морщившийся от утреннего солнца Гарун ждал меня у запертых стеклянных дверей. Он посмотрел на часы.

- До открытия осталась минута. Деньги, паспорт, права – с собой?
- Вот. – Я приподнял черный пакет-майку, с которым приехал.
- Опасно. А если бы...
- Извини, на телохранителя я еще не заработал.

Изнутри охранник открыл замок стеклянной двери, мы вошли. Закрутилась непонятная мне карусель-канитель оформления. Пока менеджер готовил документы, мы любовались приобретением: машина радовала глаз и чувство собственного достоинства. Представив себя за рулем черной громадины на улицах города, я ощутил себя настоящим мужчиной.

Регистрационные номера остались от прежнего хозяина, они указывали на соседний регион. Гарун сказал, что номера – дополнительное достоинство автомобиля. Меня, правда, смущал исцарапанный корпус, словно прежний хозяин ездил не столько по дорогам, сколько по лесу. Гарун успокоил:

– Не смотри на внешность, красивое нам не надо, нам надо надежное и практичное. Машина отличная, одного бака хватит километров на восемьсот, а если не гонять и не обгонять, то на тысячу и больше. Полный привод – настоящий, с понижайкой. Есть электронный помощник спуска с горы. Задние сиденья раскладываются в ровный пол, можно уложить надувной матрас-полуполторку и спать в свое удовольствие.

– А вещи из багажника на время сна куда девать? Покупать еще один багажник – на крышу?

Я придирался. Огромный угловатый автомобиль мне, конечно, очень нравился. Рядом с окружавшими его легковушками он выглядел медведем среди лисиц, косуль и зайцев, я в нем буду как раджа на слоне среди подданных. Что бы кто ни говорил, а размер имеет значение.

- Часть вещей временно можно переложить на передние сиденья, – сказал Гарун.

Из минусов мной были найдены: почти до дыр протертые сиденья, поржавевшие сколы на пятой двери, а сама открывавшаяся вверх задняя дверца, к тому же, нормально не открывалась – требовали замены телескопические амортизаторы. На лобовом стекле из-под правого «дворника» ветвилась трещинка – со временем она расплзется перед глазами опасной паутиной, но сейчас поездке ничто не мешало. Глючил электронный климат-контроль – проблема оказалась особенностью модели и, как нам сказали, встречалась почти на всех одногодках: вместо печки иногда сам собой включался кондиционер. Устранение неприятности требовало несусветных затрат, сравнимых с покупкой игрового компьютера. А зачем? На улице – лето! До настоящих холодов дожить надо, и за огромную скидку я готов был вытерпеть не только температурные и некоторые другие неудобства.

В общем, нас все устроило. Каждый из найденных минусов машины со временем можно отремонтировать, а сейчас деньги требовались собственно для поездки. Мы с Гаруном были в восторге: осталось занять немного денег на топливо, еду и прочие накладные расходы, и можно отправляться в путь.

Страховку выписали на меня одного, и вечером я со всеми удобствами отбыл домой, чувствуя себя королем мира.

Переполюх в родном дворе устраивать не хотелось, я сразу въехал на платную стоянку. Пусть машина остается здесь до отъезда – подальше от случайностей. Не столько угон страшил (у нас такого почти не бывало), сколько ночные гуляки – вскроют, к примеру, ради музыки и аккумулятора или на кураже поцарапают и стекла побьют. Недавно я сам психологически был на их стороне: владелец любой техники, которая мне не по карману, казался вором и мошенником, укравшим деньги, в первую очередь, у государства, а, значит, и у меня, как добропорядочного гражданина. В рьяно-пьяном угаре «восстановить справедливость», испортив чужое добро, казалось добрым делом. Если не добрым, то, все равно, правильным. До настоящих воров, укравших миллиарды, простому человеку не добраться, поэтому за отнявшего у тебя полагавшийся кусок принимался любой, кто живет лучше. Став обладателем дорогой, по меркам нашего города, машины, неожиданно для себя я из завистников превратился в объект зависти. В общем, лучше платить за охраняемую стоянку, чем ежеминутно выглядывать во двор и периодически хвататься за топор.

Любопытная Машка знала, зачем я ездил в областной центр. Она примчалась на стоянку наблюдать торжественный въезд. От нее и родителей я не скрывал цель покупки такой машины и скорого путешествия на юг: вернуть Хадю, которую они знали под именем Нади и которая вроде бы все еще пряталась от зловерных родичей. Мой непоколебимый настрой показывал серьезность задачи и намекал, что не все будет просто. Вопросов я просил пока не задавать, и мне их не задавали. Обожаю свою семью.

Мама, дав слово ни о чем не спрашивать, постоянно причитала и качала головой, с чем, не в силах прекратить, я просто мирился. Наверное, женщинам нужно нервничать вслух, чтобы от напряжения что-то не перегорело внутри.

Иначе как «джип» или «наш джипище» Машка мою машину не называла. После «стрелки» с соседним двором и «разборкой» с Данилой я был у местной молодежи в авторитете, а теперь, с «джипом», видимо, стану чуть ли не официальным бандитом района.

У меня же язык не поворачивался называть японский внедорожник «джипом». «"Джип" – марка, это американская автомобильная фирма, а наша машина – "японец" модели "Пасфайндер"», – убеждал я сестренку. Без толку. Машка видела перед собой джип и называла его джипом, а лингвистические тонкости, по ее мнению, волнуют только профессиональных филологов и зануд. К последним она относила профессиональных филологов и меня.

Мы стояли у только что пригнанной машины и обсуждали ближайшее будущее. Лето заканчивалось, и я рассчитывал, что сестренка не откажется провести остаток каникул в путешествии.

Предложению ехать в горы на внушительном «джипе» Машка обрадовалась, как ребенок известию о покупке ему ящика шоколада. Вопрос возник лишь один, тот же, что у ребенка о шоколаде:

– Когда?!

Электронная очередь на постановку машины на учет в ГАИ подойдет через три дня, за это время на папины кредитные деньги я закуплю необходимые вещи и продукты. Еще день останется на сборы и чтобы отоспаться перед дальней дорогой.

– Выезжаем в конце недели.

– Отлично, у меня как раз эти дни. Пусть Захар потоскует в одиночестве, а я развеюсь на природе. Мы же будем и на природе?

– Будем, – буркнул я и вернулся к абсолютно, на мой взгляд, лишнему началу высказывания: – Меня обязательно посвящать в твои женские секреты?

– Конечно, мы же вместе поедem. У меня могут возникнуть специфические проблемы, ты должен быть к ним готов.

– Имеешь в виду истерики и перепады настроения?

Я съязвил, и Машка ответила в том духе:

– Для истерик и перепадов настроения мне не нужны особые дни, а говорила я про покупку в дороге неких принадлежностей и возможность уединиться для гигиенических процедур. Ночевать придется в машине?

– А также питаться и прочее. Все на ходу, остановок будет минимум, только для дозаправок, не чаще одного раза на тысячу километров.

Одобренный Гаруном план предусматривал именно такой формат путешествия. Гостиницы нам не по карману, а до Кавказа добираться пять-шесть суток, плюс-минус день в зависимости от стиля вождения и дорожных обстоятельств.

– Один раз на тысячу?! – Машка поджала губы и закатила глаза, высчитывая в уме. – При скорости... Сколько сейчас разрешено?

– Девяносто за городом, шестьдесят в населенных пунктах и сто десять на оборудованных автомагистралях. Превышение на двадцать не штрафуются.

– Значит, при средней скорости в сто десять километров в час...

– В городах будут пробки, на трассах – дорожные работы и аварии. Среднюю скорость возьми в пятьдесят-шестьдесят. К тому же, я не гонщик, ехать буду спокойно, без нервов, в экономичном режиме, не торопясь...

– Знаю я тебя, как ты будешь «не торопясь». Тебя там любовь ждет, ты лететь будешь!

Машка продолжила расчеты в уме, вслух выдавались только результаты:

– Получается всего одна остановка в день!

– Именно. А я еще налью топлива в канистры, чтобы в очередях на заправочных станциях время не терять и меньше от них зависеть.

– Бензин воняет, его нельзя возить в машине, только в багажнике, а у нас нет багажника, у нас сплошной салон.

– Солярка не пахнет. Почти.

– Да, если несколько дней не мыться, а ты не будешь менять носки, то запаха солярки я точно не почувствую.

– За что я тебя люблю – за умение видеть суть.

Пока Машка отгаивала, проглотив висевшую на языке новую колкость, я завершил мысль:

– ...и не делать из этого никаких выводов.

С сестренкой вопрос решился. Возникла другая проблема: мама категорически не отпускала Машку со мной. «Она еще маленькая!» «Она уже большая, и с ней что-нибудь случится!» «Это же Северный Кавказ! Ты что, не понимаешь, что такое Северный Кавказ?!» Мама напи-

рала на то, что уехать из Дагестана они с папой решили именно из-за родившейся дочки. Я отвечал, что времена изменились.

– Но люди-то не изменились! – кипятилась мама.

Моя причина – поездка, после которой я разрешу говорить о свадьбе и внуках – сыграла роль, возражения стали менее эмоциональными. И все же: «Ну, подумай сам: Машу – на Кавказ?!»

– Я не выпущу ее из машины, – убеждал я. – Нам в Дагестан только заехать и выехать, мы даже останавливаться нигде не будем.

Знала бы мама, что Машка без всяких Дагестанов приключений на свою середину нашла столько, что на язык просились отнюдь не литературные выражения.

Об этом следовало молчать.

Я упорно стоял на своем: не выпущу, защищу, Кавказом дам полюбоваться только сквозь тонированное окошко.

Папа занял практичную позицию. Понимая, что мы с Машкой все решили и мнение родителей нас интересует чисто информативно, он взял с меня слово, что действительно не выпущу сестренку из машины.

Затем папа со смирившейся мамой долго объясняли, что на Кавказе можно делать и чего нельзя. Часть рассказанного повторяла слова Гаруна, часть устарела – жизнь в Дагестане стремительно менялась. Мы с Машкой слушали и кивали.

Когда начались сборы, вещей у Машки набрался полный чемодан.

– Покажи, – потребовал я.

– Будешь в моем нижнем белье копать?

– Только в верхнем.

Машка поджала губы и откинула крышку чемодана.

Я мысленно схватился за голову. Ворох купальников, топиков, шортиков... Сестренка хотя бы понимает, куда мы едем?

– Бери джинсы, кофту с длинными рукавами, и попроси у мамы темный платок.

– Носовой? – хмыкнула Машка.

– Шаль. Чтобы закрывала с головой и с плечами и чтобы можно было в него завернуться.

Обувь – никаких туфель, вьетнамок и босоножек, мы не на пляж едем.

– Зверь и садист.

Вместо ироничного ответа, с которого началась бы привычная веселая пикировка, я хмуро бросил:

– Головой иногда не только есть надо.

У меня вещи поместились в рюкзак: купленный для последнего участка пути черный костюм «Адидас» с белыми полосками, новые кроссовки, пара футболок (одна – тоже новая), носки, трусы и плавки. Плавки оказались в списке вещей не потому, что понадобятся, а из-за малого веса. Лучше подстраховаться, чем в нужный момент оказаться в глупом положении. Все покупки, естественно, совершались на вещевом рынке, до настоящего «Адидаса» мне как уличной продавщице семечек до олигарха.

В дорогу я намеревался надеть потрепанный спортивный костюм с отвислыми коленями, в котором ходил дома, и старые же, дышавшие на ладан, кроссовки. Потом их можно выбросить. В новую жизнь – с новыми вещами. Хороший лозунг. Главное, не перепутать: это вещи подчеркивают и украшают новую жизнь, а не жизнь вдруг станет другой, потому что появились новые вещи. Сколько судеб сломалось, когда люди думали наоборот. Прискорбно, что большинство девочек думает так до сих пор, Машка – яркий тому пример. В поездку, где почти не придется выходить из машины, она готовилась как на свадьбу. Я бы на ее месте вообще кроме удобных, чтобы спать в машине, спортивной куртки и штанов, в которых Машка поедет, больше ничего не брал.

Отдельный тюк получился со свитерами и теплыми куртками – мама настояла. Я не возражал, в дороге случается всякое, а в машине, к тому же, печка хандрит. Гарун также передал сумку для Хади с ее старыми вещами. Еще он прислал схему проезда к бабушке Сапийат, а за две ночи до выезда позвонил:

– Не смогу ждать дома, нервов не хватит. Давай, я поеду с вами хотя бы до Волгограда или Калмыкии. Там я пережду, а на обратном пути вы меня подберете.

Отличная мысль. Можно меняться за рулем и ехать круглосуточно, не теряя ночное время впустую. Доедем в два раза быстрее.

– Какой разговор!

– Понадобится вписать меня в страховку, а это опять деньги.

– Оно того стоит.

В два раза быстрее. Еще бы.

Осталось утрясти новость с Машей. Как и я, она рассчитывала, что поездка выйдет чисто семейной, в которой можно не напрягаться по поводу поведения и не следить за внешностью и языком.

– Маша, с нами поедет еще один человек. Мой друг. Ты не против?

– Он симпатичный?

– Это все, что тебя интересует?

– Не пойму, что ты хочешь услышать. Сам подумай. Человек, которого ты предлагаешь в попутчики – твой друг. Значит, он хороший человек, иначе не был бы твоим другом. Ты берешь его в поездку – значит, в пути он принесет пользы больше, чем неудобств, то есть в предстоящем путешествии он нам нужен. Теперь что ты хочешь от меня? Возражений или согласия с их обоснованием? По-моему, все просто: твой друг должен ехать, мне нужно смириться с этим фактом, даже если бы я была против. Но я не против, и у меня остался один вопрос: твой друг симпатичный?

Женская логика в действии. И ведь действительно логично.

– Лучше бы спросила, женатый ли он, – буркнул я.

– Ладно, будь по-твоему. Он женатый?

– Нет.

Глаза у Машки загорелись:

– А он симпатичный?!

Вертихвостка.

– А как же Захар? – Я с лукавой укоризной поиграл бровями.

– Я – молодая дама в поиске. Захар – хороший вариант, но вариант. Что плохого, если хорошего сменит отличный?

– Тогда успокою: наш спутник – не на твой вкус.

– Откуда тебе известен мой вкус?

– Таких, как он, ты называла черно...

Я не собирался заканчивать слово, но Машка возмущенно перебила раньше:

– Мало ли, кого и как я называла! Не нужно слушать, что я говорю, важно, что я думаю.

– Спасибо, насчет «не слушать» учту на будущее. А как мне понять что ты думаешь, если говоришь при этом что-то другое, а поступаешь вообще как-то по-третьему?

Наверное, когда слова, мысли и поступки согласуются друг с другом, это и есть счастье. Причем, как собственное, так и для окружающих.

– Не понимать надо, а чувствовать. – В Машкином голосе разлился елей: – В общем, согласная я. Втроем в дороге веселее будет.

Меня насторожила смена ее тона. Уж не собирается ли сестренка заигрывать с Гаруном в дороге? В принципе, я ее понимаю: одно дело путешествовать с несносным и вредным старшим

братом, и совсем другое – с его холостым другом. Еще не начавшись, поездка представлялась ей чудесным приключением.

Я окончательно укомплектовал машину. Кроме запасного колеса, домкрата, насоса и, полагавшихся по закону, аптечки и огнетушителя с аварийным знаком, я взял с собой буксировочный трос, провода с зажимами-«крокодилами» для «прикуривания» от чужих аккумуляторов, шило с комплектом жгутиков для самостоятельного ремонта проколов шин, двадцатилитровую канистру, несколько пластиковых пятилитровок и «полторашек» с водой и работавший от прикуривателя кипятильник. В «бардачке» заняли место пластиковые чашки и четыре комплекта ложка-вилка-нож (четыре! Обратно поедем вчетвером!!! До сих пор не верилось). Идею с надувным матрасом, на котором можно спать на сложенных сиденьях, мы с Гаруном отбросили. При проверке документов или другой внезапной остановке полицейский может заглянуть внутрь, а во время движения каждый пассажир обязан сидеть и быть пристегнутым. Для использования в качестве матраса мы взяли обычное ватное одеяло. Когда машину остановят, его можно откинуть, поднять сиденье и пристегнуться.

И вот, наконец, машина поставлена на учет, в путь все куплено и даже, кроме еды, уложено. Последнюю ночь мы с Машкой решили провести на полторы сотни километров ближе к цели – в областном центре. В снятой для Хади квартире была всего одна кровать, но это не смущало: я размещусь на кухне на раскладном «матрасе», а если будет холодно, то принесу из машины дополнительные одеяла. В квартире были ванна и душ – последние на долгом пути на Кавказ и обратно. Несколько суток в пути без элементарных удобств ужасали Машку, и она радовалась каждой возможности еще раз прикоснуться к цивилизации.

Провожая, мама снабдила нас продуктами чуть ли не на месяц вперед и убедилась, что теплые вещи и одеяла мы не забыли. Папа на прощание по-мужски пожал мне руку:

– Будь острожен. Понимаешь, куда едешь.

– Понимаю.

– Ждем вас. Удачи и успеха.

Мама с причитаниями обнимала и целовала, еле вырвались. Прокуренная атмосфера подъезда после нервно-слезливого расставания с мамой показалась воздухом свободы.

Глава 4. Веселье начинается

По пути на стоянку Машка чуть не подпрыгивала от распиравших ее восторгов:

– С ума сойти. Мы едем на юг! Море! Горы! Приключения!

– С ума сходить не надо. На юг мы действительно едем, а море и горы увидишь из машины. Зато насчет приключений ты полностью права, без них не обойдется.

– Но если все сложится хорошо, на обратном пути мы где-нибудь искупаемся?

– Где-нибудь – обязательно. Например, в ванне.

– Еще скажи – в луже.

Я серьезно кивнул:

– Или в луже.

– Тиран и зануда.

– Мечтательница.

– Угнетатель и эксплуататор.

– Бестолковая легкомысленная фантазерка.

Машка на миг задумалась.

– Бестолковость и легкомысленность зависят от точки зрения и фактом быть не могут, – объявила она с апломбом Нобелевского лауреата. – Зато быть человеком с богатым воображением лучше, чем нудным эксплуататором младших сестер.

– Путешествие – удовольствие, а не эксплуатация. Я предложил, ты согласилась. Переиграть не поздно даже сейчас.

– Ага, разбежался. Я человек слова, сказала «еду» – значит, еду.

На стоянке я предъявил сторожу чек, мы закидали вещи в машину, с металлическим стуком легко завелся двигатель. Случись такой звук на «Ладе», я схватился бы за голову, а для старенького дизеля – нормально. Я вырулил нашего угловатого бегемотика из загона стоянки на волю. Машка важно сидела рядом, широко раскрытые глаза блестели. Тема прекратившегося при посадке разговора, как оказалось, еще не исчерпалась.

– Наше путешествие нужно тебе для дела, – продолжила Машка с того же места, – а я нужна для компании, которая нужна для дела. Значит, я права: получается прямая эксплуатация!

– Еще скажи «эксплуатация детского труда».

Машка поморщилась:

– Так и хотела сказать, но ты придерешься к слову «детского», и мне опять придется оправдываться и доказывать, что я взрослая.

– В сказанном вижу прямое признание, что ты ребенок и что для причисления к взрослым тебе нужны оправдания.

Машка показала мне язык. Этого ей показалось мало, и мне в голову прилетел звонкий подзатыльник.

Правой рукой я попытался ответить тем же, но попробуйте справиться с дикой тигрицей, одновременно ведя машину.

– Сейчас остановлюсь...

– Ты сам говорил: ехать будем без остановок. Слово надо держать.

– Кажется, я выбрал для поездки не ту компанию. Предлагаю немедленно прекратить эксплуатацию малолетних и отправить тебя домой.

– Не дожدهшься!

Машка мгновенно преобразилась в паиньку, сложила руки перед собой и с умиленно серьезным видом уставилась вперед.

Ключи от съемной квартиры мне еще не вернули, и с трассы я позвонил Косте.

– Это Александрий. Проездом буду в городе, утром уеду из него далеко и надолго. Никому на глаза не попадусь. Хочу переночевать на квартире и забрать оттуда свои вещи. Куда подъехать за ключами? Я на трассе, скоро приеду.

Костя несколько мгновений молчал.

– Я не думал, что ты вернешься. Квартира пустовала, и, как человек практичный, я занял ее для своих целей. С хозяйкой дело улажено, она не возражала, что квартиросъемщик сменился на более солидного. Твои вещи лежат у меня. Место в шестиместной «общаге» еще за тобой?

– Да, до конца месяца.

– Остановись там, вещи тебе привезут.

Костя отключился.

Все бы хорошо, но со мной была Машка. Я набрал Фильку, объяснил ситуацию, а после разговора проинформировал Машу:

– Планы меняются. Везу тебя на ночь в квартиру к трем холостым парням. Зная тебя, мне почему-то кажется, что возражений не будет.

– Все зависит от твоей позиции. Если ты хочешь меня туда везти, то я против, а если не хочешь – то, конечно, я всеми руками «за».

– Коза.

– А ты по-прежнему эксплуататор. Еще и трех приятелей подключил. Будете все вместе меня эксплуатировать?

Я не удержался. Сорвавшаяся с руля правая рука хлестнула Машку по щеке:

– Еще одна шуточка на двусмысленные темы, и я тебя высажу. Даю слово.

Сестренку проняло, она даже не возмутилась столь наглой демонстрации силы.

– Дожили, – проворчала она себе под нос, – с родным братом пошутить нельзя.

– Бывают шутки и «шутки», над первым смеются, за второе бьют.

– А еще бывают люди умные и тупые, первые над шутками смеются, вторые за них бьют.

– Спорить не буду. Я тоже человек слова. Еще раз неудачно пошутишь – отправишься домой. Все ясно? Не слышу.

– Я-а-асно.

Через полтора часа я подрулил к многоэтажке, около которой в «Ладе» Гаруна мы с Хадей провели первую ночь. В тот раз про расположенную за углом дома платную автостоянку мы не думали, ярко освещенные места, к тому же охраняемые сторожами и видеокамерами, нас пугали. Сейчас для нас с Машкой близость стоянки оказалась чудесным достоинством – не нужно далеко ходить с вещами. Я сразу въехал под шлагбаум на территорию, расплатился, и мы с сестренкой, попросившей минуту на переодевание, с минимумом вещей поднялись в оставленную мной квартиру-общежитие.

У меня здесь остались кое-какие вещи, брошенные как малозначимые, ради которых не стоило специально возвращаться. Теперь их можно забрать. Личный транспорт давал фантастические возможности тому, кто привык передвигаться на общественном.

В шестикроватной квартире ничего не изменилось, только постель Тимохи тоже пустовала. После его гибели хозяева подыскивали нам на замену других жильцов, но до начала учебного года найти таких было проблематично. И Валька до конца лета не появится. Сокомнатники ничуть не возражали, что одну из свободных кроватей сегодня займет моя сестра. По моим рассказам Машку считали малявкой, кем-то вроде ее тезки из мультика про непоседливую девочку и медведя. Насчет характера приятели не ошиблись, а с внешностью не угадали.

Когда порог переступила фигуристая красавица с томным взором, в квартире на миг повисла тишина, затем каждый бросился убираться на своем месте. Игорь первым занял ванную комнату, где даже побрился (на ночь!), а заодно прибрался, спрятав в общий пакет разве-

шанные на веревках штаны и трусы. Филька с Артуром отправились ставить чай, чтобы под благовидным предлогом привести в божеский вид и кухню.

Рано взрослеет наша молодежь. В Машкины годы я был неуклюжим прыщавым подростком, реальные девочки интересовали меня только с эстетической точки зрения, а для бурлящей гормонами фантазии хватало сетевых. Машка же была настоящей красавицей, еще созревающей, но с такой аурой женственности, от которой встречных представителей противоположного пола сносило, как ураганом. Кстати, про девушек с таким характером, как у Машки, говорят «ураган в юбке». А если при таком характере юбка едва прикрывает попу, а под топиком – только сам ураган...

Хоть кол ей на голове теши. Из-за внешнего вида Машки мы едва не поругались, когда она попросила обождать снаружи и переделась в машине. По мнению сестренки, обтягивающий топик и клетчатая мини-юбка – идеальный комплект, чтобы идти в гости к взрослым приятелям брата. Грудь вызывающе торчала острыми сосками, а ткань топика была настолько тонкой, что казалась прозрачной, оттого вибрировавшие при ходьбе конусы дерзко темнели, словно подглядывая, как глаза кокетки из-под вуали, за теми, кто заглядывался на них. Под топиком белел гладкий животик, а юбка, которой больше подходило название широкого пояса, сидела очень низко и начиналась на пределе разумного. И заканчивалась тоже на пределе – ни нагнуться, ни ногу не поднять без того, чтобы не показать случайным зрителям кино недетской кагории. На утверждение, что так ходить неприлично, Машка снисходительно усмехнулась: «Сколько тебе лет и давно ли ты последний раз был на улице? Твое мнение – брюзжание старика или ханжи и задрота». Мне не понравилось в ее устах последнее слово, на что последовала отповедь: «Обычный современный термин. Не нравится – предложи точный синоним, я буду использовать его».

Подходящего емкого замещения я не подобрал, а в спортивный костюм Машка пообещала облечься завтра, ведь поездка еще не началась.

Вообще-то, началась. Мои доводы отскакивали от сестренки, как горох от стенки. Что-то глубинное и неодолимое не давало Машке идти к парням в затрапезном виде. Я смирился. В конце концов, Филька, Игорь и Артур – люди адекватные. Лишнего, как мне кажется, они себе не позволят. Или мне кажется?

Впервые со времен Мадины-Мерилин порог нашей холостяцкой берлоги переступило пышущее эротическими флюидами создание, и вновь я оказался в роли цепного пса, призванного «не пущать» вместо того, чтобы получать от жизни удовольствие. У меня была Хадя, она вновь занимала все мысли, а у Машки был Захар, и на последнем факте можно было остановиться, чтобы спокойно лечь спать. Но Машка – это же Машка. Захар остался дома, а здесь ее окружили активным вниманием сразу три возможных воздыхателя.

Мерилин, дубль два, только без маски. Как и Мадине, Машке хотелось, чтобы жизнь бурлила, и если где-то мог взорваться вулкан, сестренку тянуло именно туда, а не в безопасную тишь.

Я представил сестренку парням, а их ей, мы вошли в комнату, я показал на дальнюю кровать:

– Сегодня это твое место.

Прозвучало жестковато, словно команда собаке. Ничего, пусть привыкает слушаться, дрессировка – вещь в возрасте Машки необходимая, потому еще продолжится.

Моя кровать располагалась следующей за дальней и как бы отгораживала ее от остальных. Лучший вариант для ночевки в компании посторонних.

Машка сразу отправилась в освободившуюся ванную комнату. Проводив ее взглядом, Игорь показал мне большой палец:

– Прямо-таки невеста.

– Не доросла еще, – возразил я.

Донесся шум воды, и лица, наконец, отвернулись от давно закрывшейся двери.

Мама снабдила в дорогу пакетом с парой килограммов жареных пельменей. Нам столько при всем желании не съесть, испортятся. На вопрос, как их сохранить хотя бы до завтра, мама ответила: «Положи в холодильник. У вас же там есть холодильник?» Холодильник был и здесь, а как без укоров совести положить туда на время домашнюю еду, когда рядом три постоянно голодных рта?

Я вывалил две трети пакета в большую тарелку:

– Господа, прошу к столу, вскипело.

– Благодетель! – Игорь изобразил поклон, кадык при этом дернулся в непроизвольном сглатывании, а глаза не отрывались от угощения.

Вот-вот, пусть лучше на еду облизываются.

Когда Машка вышла, все сидели с довольными физиономиями, а в тарелке осталось всего с десяток пельмешек. Машке хватит, она при посторонних много не ест.

С замотанными полотенцем мокрыми волосами она прошла к нам, и парни, сообразив, что теперь они здесь лишние, освободили кухню.

Машка проявила благоразумие. Вместо провокационной юбки на ней были спортивные штаны, в которых удобно валяться на кровати, а вызывающе тонкий топик сменился более плотным. Правда, новый был короче и не обтягивал, а висел волнующимся абажурчиком, и декольте у него было побольше, но все познается в сравнении. Новый топик – хоть какая-то завеса, а прежний походил не столько на одежду, сколько на раскраску.

Я порадовался перемене. Неужели девочка вырастет? У меня даже вырвался вздох облегчения, а Машка, зараза, и здесь умудрилась незаметно показать мне язык.

Джинсы и длинная кофта с рукавами, необходимые для путешествия по Кавказу, остались в машине, а спортивный костюм, в котором ехать в дороге, сейчас был наполовину надет. Вторая половина, верхняя, лежала в сумке. Остаток места в сумке и чемодане Машки заняли те самые топики-шортики-юбочки, без которых она не мыслила жизни.

Кофту стоило бы проверить на глубину декольте. Впрочем, проблема легко решится платком на шее.

Возбужденный взгляд Машки становился тусклым или, наоборот, вспыхивал недовольством каждый раз, когда, пробежавшись по моим сокомнатникам, возвращался на меня. Это намекало, что причина ее внезапной скромности – вовсе не моральное взросление, а кое-что другое, тоже взрослое, но, как говорится, из другой оперы. Машка боялась, что при чрезмерности в отношениях с моими друзьями я оправлю ее домой. Трезвый расчет и здравый смысл подсказывали, что много веселых дней в поездке на юг с одним приятелем брата перевешивают один нескучный вечер с тремя приятелями, которые, кстати, отныне останутся приятелями и для нее, то есть никуда не денутся.

Обидно, если так. И еще более обидно, что вряд ли по-другому.

Я налил себе еще чаю, Машка поужинала. Вскоре мы вышли в комнату, где уткнувшиеся в телефоны парни лежали на своих кроватях. Мы тоже легли.

Спать не хотелось. Чувствовалось общее возбуждение. Телефоны служили прикрытием, они создавали видимость, что их обладатели заняты делом. Сейчас сыграть бы во что-то нейтрально-безопасное или найти интересную для всех тему разговора. Не танцы же с эротическими играми устраивать, как с Мадиной. Машка, при ее жажде жизни, вряд ли откажется, и парни проголосуют за возможное невозможное с превеликим удовольствием. Но не при мне же?

Кажется, я просчитался, думая, что здесь мы выспимся. Четверо из пяти присутствующих хотели развлечений, а оставшийся пятый хотел, чтобы развлечения нашлись в рамках приличий. Возможностями приятно провести время в компании девушки квартира не располагала.

Лишь безудержной фантазии Мадины хватило, чтобы превратить «общественную приемную», как мы иногда называли свое мини-общезитие, в жаркий ночной клуб.

Игорь рискнул предложить:

– Сыграем?

Он перетасовал в руках колоду карт.

Все помнили визит Мерилин. Я снова привел девушку. На этот раз – сестру, о чем сказано сразу и четко. Никаких вольностей даже не подразумевалось.

– Во что? – поинтересовалась Машка.

Лучше бы молчала. Парни заволновались: дама не возражает, дама хочет приключений.

– В дурака, – сказал Игорь.

– Давайте.

– Я – пас. – Мне не хотелось участвовать в пустом времяпровождении. Лучше подумать, все ли сделал, ничего ли не забыто. Лежа лицом вверх, я сложил руки за головой и уставился в потолок.

Осталось четыре человека, поэтому Игорь спросил:

– Каждый за себя или пара на пару?

Парням было все равно, лишь бы играть. Они замерли в ожидании ответа Машки.

– Пара на пару. – Она влезла на кровать Игоря с другой стороны.

Филька и Артур примостились в проходах с обеих сторон импровизированного игрового стола. Машка сдвинула предложенную колоду, Игорь тщательно перетасовал.

Я готовился к неприятностям. Новый топик Машки, сначала меня порадовавший, теперь напряг. Нагибаться Машке нельзя: ткань отвиснет, и ничем больше не прикрытая грудь окажется нараспашку. И руки поднимать нельзя: короткая вещь взвевается с ними вверх, парни получают непредназначенное для них удовольствие, Машка – острые ощущения... а я буду сидеть как оплеванный. Пришло понимание, почему кавказцы так ревниво следят за сестрами. Может, прекратить это безобразие, пока оно действительно не вылилось в безобразие?

Пока я думал, а Игорь раздавал карты, в дверь позвонили. Игорь проворчал в мою сторону:

– Надеюсь, это не твой приятель, как в прошлый раз.

– А что было в прошлый раз? – Машка просительно хлопнула ресницами.

– Играли на очень интересный приз, а приятель Кваздика нам всю малину обломал.

Артур оказался ближе всех к прихожей, он поднялся и открыл дверь.

– Тебя, – сказал он мне и отошел в сторону, пропуская кого-то.

В проходе сначала пролегла огромная тень, заставившая всех судорожно сглотнуть, затем в сразу ставший узким коридор втиснулся с тяжелой коробкой и тюком сваленных в кучу тряпок водитель Кости – Валера. Впрочем, как я уже понял, Валера – не только водитель, а специалист намного более широкого профиля.

– Здесь все. – Он опустил принесенное на пол. – Пальма сломалась, ее выбросили.

– Спасибо, – сказал я, не вставая с кровати. Не за пальму, конечно же, спасибо, а за доставку вещей.

– Не за что.

Валера вышел, Артур закрыл за ним дверь. Игорь покачал головой:

– Немногословный товарищ. Ни здравствуйте нам, ни до свидания.

– И хорошо, – сказал я. – Говорит он только по делу, а занимается такими делами, что при нас пусть лучше молчит.

Лишние вещи я затолкал под свою кровать, а кое-что из купленного для Хади мы возьмем утром с собой, пригодится.

Игорь продолжил раздавать.

Один кон, решил я. Пусть сыграют, я посмотрю на их поведение, а позже в любом случае скажу, что пора спать.

Машка напомнила:

– Что за «очень интересный приз» был у вас прошлый раз?

– Игорь не хочет об этом рассказывать, – объявил я с постели.

– Игорь правда не хочет? – Машка обернулась к Игорю и даже чуть-чуть нагнулась к нему.

– Хочет Игорь или не хочет, а он промолчит. – Отведя взгляд, Игорь развел руками и выразительно кивнул в сторону моей кровати: «Хочешь что-то узнать – договаривайся с братом».

– Становится все интересней и интересней. – Машка бурно задышала. – Вряд ли вы играли на деньги, реакция была бы другой. Играли на раздевание?

Артур с Филькой одновременно опустили глаза, Игорь удрученно глянул на меня.

Реакция их выдала.

– Угадала! – Машка радостно всплеснула руками. – А кого раздевали? Только попробуйте сказать, что друг друга. Вы же не такие? Не заставляйте меня терять веру в человечество!

– Мы не такие, – выдал Игоря и вновь виновато поглядел на меня:

«Не могу же я верить человека, что мы такие?»

– Ну вот! – Машка чувствовала себя Шерлоком Холмсом, взявшим след крупного преступника.

Я понял, что если не остановить ее сейчас, то будет поздно.

– Нам рано вставать, – объявил я. – Давайте спать.

– Ты спи, мне же за рулем не сидеть, – бросила Машка.

Прозвучавшее было вполне логично не только с женской, но и с мужской точки зрения, но оно было неправильно. Даже сама сестренка это понимала, поэтому нервно ждала, что я отвечу. Ее взгляд колот и резал без наркоза: «Ну сколько можно?! Почему ты все время лезешь в мою личную жизнь и все портишь?!»

– Маша. – Мой голос стал строгим, почти грозным. – Я хочу спать, а если ты не ляжешь спать, я тоже не засну, и мы оба не выспимся.

До нее дошло, что мой сон зависит от нее. То есть, что я волнуюсь за нее. А еще, надеюсь, она вспомнила разговор с Хадей, когда пожаловалась ей на меня, а Хадя в ответ все доходчиво разъяснила, как ребенку.

Машка обреченно поднялась.

– Ладно, ребята, как-нибудь в другой раз. Спокойной ночи.

– Спокойной, – глухо раздалось в ответ.

Артур погасил верхний свет. Машка проследовала к себе в постель, и почти сразу на соседних кроватях вспыхнули экраны телефонов. Кроме меня спать никто не хотел.

Глава 5. Знакомство и геройство

Хотел отоспаться перед дальней дорогой? Ну-ну. Сна – ни в одном глазу. Поворочавшись час или два, я не выдержал:

– Маш, ты очень хочешь спать?

Филька с Артуром давно дрыхли, Игорь сидел в интернете. Машка вскинула голову:

– О чем ты, вообще, говоришь? Какой сон? Я уже горами и морем люблюсь, жду не дождусь, когда уедем.

Все же «уедем», а не «приедем к морю и горам». Главное для сестренки – вырваться из обрыдлой повседневности. Впрочем, как мне думается, в этой веселой квартирке она задержалась бы на пару-тройку дней, но от нее требовалось говорить то, что мне хотелось услышать. Одно приключение сменяло другое, новое обещало быть не хуже.

Я набрал номер Гаруна:

– Что-то не спится. Может, поедем сейчас?

– Да я с прошлого утра как на иголках. Заезжайте за мной, выхожу.

Тащить принесенные Валерой вещи на стоянку и поднимать их в квартиру Гаруна не хотелось, и я оставил все до возвращения. Ничего ценного для меня здесь не было. За ценным мы ехали, и надо сделать это быстрее.

На выходе из подъезда я огляделся. Город спал, и мы с Машкой двинулись в сторону стоянки.

Сзади завелась машина, загорелись фары.

Я только что осматривался, поэтому знал, что ни один из припаркованных автомобилей не прогревался, все казались мертвыми. Значит, либо угонщики, наконец, справились с задачей и сейчас скроются на чужой машине... что для нас самое лучшее, потому как в ином случае кто-то ждал именно меня. Костя предупреждал, что в городе мне появляться опасно. Впрочем, он же, наверное, и сообщил Люське, где я нахожусь и во сколько уйду. По телефону я сказал о ночевке, что подразумевало остаться до утра, поэтому ночной выход оказался сюрпризом. Утром меня, наверняка, ждали бы в подъезде, как в прошлый раз.

Даже если у меня разыгралось воображение и возможные неприятности мне кажутся, действовать надо так, как если бы не казались. Интуиция намекала на худший вариант.

– Бежим. – Я схватил Машку за руку и поволок за собой.

– Зачем?! – Она все же послушно понеслась рядом.

Умница. Понимает, что просто так я не бегаю.

Отвечать не требовалось, Машка увидела, как вырвавшаяся на дорогу приземистая темная громадина настигает нас, и поддала ходу.

Стоянка была за углом. Нам повезло, что те, кто наблюдал за подъездом, ждали не у входа. Наверное, ближе не нашлось свободного места, обочину вдоль тротуара сплошь забили машины жильцов, это дало нам небольшую фору.

На стоянке мы вихрем влетели в будку охранника.

Машина преследователей остановилась сбоку от въезда, из нее вышли два парня в черных куртках и, положив руки в карманы, остались снаружи.

На стоянке не идут, не хотят попасть под видеокamеры. И своих целей не скрывают. Им нужен я.

Все-таки я, интуиция не обманула.

Охранник предложил:

– Вызвать полицию?

– Пока не надо, – сказал я.

– Кто это?! – Машка впервые попала в такую передрыгу. Брат, при котором она ничего не боялась, оказался бессилён перед обстоятельствами. Она дрожала.

Хотела приключений? Пожалуйста. Погоня – только начало больших приключений.

– Подожди. – Мне было не до объяснений. Я набрал Гаруна: – Привет. Меня перехватили на стоянке. Двое. Обычные. В машине могут быть еще. Думаю, что от Люськи, с серьезными ребятами у меня все улажено. Могу прорваться, но в автогонках по городу не силен.

– Сейчас буду, – кратко прилетело из телефона.

Мы прошли к своей машине. Я сел за руль, Машка заняла место рядом.

Парни тоже сели в машину – на случай, если я решусь на прорыв и придется гнаться за мной.

Не шевелясь, мы сидели в заведенной машине. Руль поскрипывал под моими побелевшими кулаками.

Ничего не происходило. Охранник глядел из будки с телефоном в руке – не звонил, пока ничего не случилось, но готов нажать «вызов» сразу, едва что-то начнется. Это было единственным, что меня подбадривало. При свидетелях ничего серьезного не произойдет.

Через несколько минут к стоянке подкатило такси, откуда вышел хорошо знакомый мне пассажир со спортивной сумкой через плечо. Прогуливающейся походкой Гарун направился к стоянке. У машины с преследователями он резко развернулся, одной рукой распахнул заднюю дверь и с незаметно выхваченным травматом в другой ввалился внутрь. Дверца захлопнулась.

Я ждал выстрелов. Их не было. Тишина напрягала еще больше.

– Это кто? – Сейчас Машка могла без грима играть в кино гейшу, цвет лица соответствовал. Только губки нарисовать. Свои у нее стали бледными до мертвенной голубизны.

– Друг.

– Который поедет с нами?

– Поедет или нет – зависит от того, выйдет ли он оттуда живым.

«Шутку» сестренка не оценила.

Через три долгих минуты (я следил по часам) из отворившейся задней дверцы выглянул Гарун и махнул мне рукой:

– Кваздик, подойди.

– Сиди тихо и запрись, – шепнул я Машке.

– Если что – я могу сесть за руль и въехать в них. Мне давали покататься, я немножко умею водить.

– Не вздумай. И никаких «если что» не будет, Гарун умеет говорить с людьми.

Я заставил себя дойти до темной иномарки и влезть в нее.

Впереди вполоборота ко мне сидели два крепких детины, настолько крепких, что, казалось, при резкой встрече с ними лом погнется. Взгляды были далеки от понятия «интеллект», как доллары от патриотизма. Гарун рядом со мной поигрывал травматом, ни на кого его не направляя:

– Ребята думают, что ты неправ, и хотят наказать. Я думаю, что неправы они. Расскажи историю со снимками, чтобы мы узнали обе версии.

Я рассказал. Про пьяную Люську, которую тащил из гостей на горбу и отмывал. Про Настю, повернувшую ситуацию к своей пользе, чтобы привлечь меня к решению проблем с учебой, а когда не получилось, то решившей просто развлечься. Про мои ответно сделанные снимки, когда я не добрался до запароленного компромата. Про Настино вранье, что ее снимки удалены. Про подлость Тимохи, без моего ведома скопировавшего мою часть компромата до того, как я ее стер. Про избиение в подъезде, за которое Люська потом даже извинялась, так как сама признала неправоту.

Гарун подвел итог:

– Кваздик, конечно, виноват, никто не спорит. Один раз его за это наказали – сильно и качественно. Он все понял и больше на те же грабли не наступит, а дважды за одно и то же не наказывают. К тому же, как выяснилось, заказчица и ее подруга тоже виновны, но к ним претензий не выставляли... пока. Хотя вправе. Думаю, наш сегодняшний вопрос решен, или нужно вмешаться третьей стороне?

Третью силу наши противники вмешивать не захотели.

Мы с Гаруном вышли, сзади со свистящей пробуксовкой умчались в ночь неслучившиеся неприятности. «Добрый словом и пистолетом можно добиться гораздо большего, чем одним только добрым словом», говаривал Аль Капоне. Это работало. Как работала и другая правда знаменитого бандита, оправдывавшая стукача-Костю и Люськиных «друзей»: «Ничего личного, просто бизнес».

– Ты сильно рисковал, – сказал я на пути к нашей машине. – Ты не знал, кто внутри, сколько их и чего хотят. Ты мог вообще оттуда не выйти.

Гарун улыбнулся:

– Кто думает о последствиях, тот не герой.

Хорошо, что Машка не слышит. Слова, которые можно понять неправильно, кто-то обязательно поймет неправильно, Машка – именно из их числа.

Гарун плюхнулся на заднее сиденье, я кратко представил:

– Это Гарун. Это Маша.

Машка с улыбкой обернулась. Взгляд, направленный на Гаруна, говорил, что отныне у нее появился новый герой.

Глава 6. Вперед и с песней

До выезда из города мы ехали сидя: я и Машка – впереди, Гарун – сзади. Ночью дороги радовали пустотой, мы неслись с максимально разрешенной скоростью. За городом я свернул на обочину:

– Ты как насчет поспать первым?

Гарун кивнул:

– Можно.

Мы сложили задние сиденья, вместе с багажником они образовали огромное спальное место. Сумки, чемодан и пакеты заняли место вдоль всей левой стороны, оставшиеся две трети вытянутого пространства размером с обычную кровать я застелил ватным одеялом, сверху мы положили две маленьких подушки и два одеяла. Спать, скорее всего, будем по одному, но если надо, то, почти не мешая друг другу, поместятся двое. Благодаря тонированным стеклам, снаружи не увидишь, что происходит в задней части длинной большой машины. Сейчас Гарун, одетый, как и мы, в спортивный костюм, снял кроссовки, засунул их под сложенное сиденье и залез на импровизированную постель.

– Лучше пятизвездочного номера! – объявил он, укрывшись. – Устанешь – разбуди, меняться надо до того, как начнешь клевать носом. Машка, следи за ним, чтобы не строил из себя героя.

– Прослежу! – клятвенно пообещала Машка.

Мы помчались дальше – на юго-запад, в ночь, за мечтой.

Машка непривычно долго молчала. Я поглядывал на нее: заснула, что ли? Сидя? Нет, она о чем-то думала, глядя вперед. Сзади донеслось размеренное сопение – Гарун уснул.

– Это же тот друг, который разрулил «стрелку» с соседским двором, да?

– Угу.

– И он же потом разобрался с Данилой?

– Угу.

– У тебя замечательный друг.

– А еще у меня есть замечательная сестра, а у нее – замечательный брат.

Впервые Машка не поддержала веселья.

– Я бы все на свете отдала, чтобы у меня был такой друг.

– Зря.

Умозаключения вроде того, что сейчас вывела Машка, обычно делают дети. И влюбленные. Мир делится на что-то (или кого-то) и все остальное. Со временем приходит понимание, что мир шире и глубже, но понять это помогает только время. У Машки все впереди.

Километры летели, мы въехали в соседнюю область. Когда забрезжил рассвет, я, с тяжелой головой и осоловелым взглядом, остановился для смены. Машка периодически отключалась, ее голова безвольно падала вниз, движение тела заставляло проснуться и продержаться еще несколько минут. Мы с Гаруном поменялись местами, Машка влезла на лежанку рядом со мной:

– Подвинься, я тоже спать хочу.

Для большего удобства я перебрал несколько сумок на переднее сиденье и больше ничего не помнил – выключился мгновенно, едва заняв горизонтальное положение.

Так мы и ехали. Менялись. Спали по очереди. В основном спали по одному, пока двое сидели впереди. Иногда Машка не хотела вставать и просто сдвигалась, и я располагался с другого края. Спали, как и ехали, в спортивных костюмах, я в старом, а новый ждал последнего участка пути, где предстояло строить из себя «крутого чувака».

Когда не спали все трое, то разговаривали, играли в города и тренировались на скорость складывать сиденье и принимать вертикальное положение, чтобы к моменту, когда остановивший гаишник подойдет, каждый сидел в машине как положено и был пристегнут. Отработанный навык пока остался невостребованным, никто нас не останавливал.

Пили мы запасенную воду из пластиковых бутылок, а иногда делали растворимый кофе – работавший от прикуривателя кипятильник оказался слабеньким, он не кипятил, а только подогревал. Ждать, пока нагреется одна кружка, приходилось по нескольку минут, но оно того стоило – размешанный в кипятке порошок бодрил и позволял продержаться еще некоторое время.

Пока оставались запасы готовой еды, мы ели на ходу и все равно останавливались чаще, чем планировалось. Как ни хотелось быстрее домчаться до цели, а организм навязчиво намекал, что он не железный. Когда я в свое время объявил Машке об одной остановке на тысячу километров, то, как оказалось, не представлял дорожных реалий.

В туалет мы ходили в придорожный лес или, иногда, на автозаправках. На заправках – только мы с Машкой. Гарун перестраховывался, его больше устраивала обочина и съезды на перекрестках, он не хотел быть замеченным случайными земляками в нашей компании и, тем более, в машине, которая вскоре вывезет Хадю. Проблем не было, у нас все получалось. Закрадывалась крамольная мысль: а стоило ли так перестраховываться? Можно было не продавать «Ладу», и у Гаруна осталась бы машина, на которой спокойно доехали бы до места и затем вернулись, а у меня не было бы долгов...

Все же, думаю, Гарун лучше представлял, куда едем и чего нужно бояться.

Светило солнце, и мы радовались продолжавшемуся лету. Днем, когда я и Гарун сидели впереди, а Машка, прислушиваясь к нашим разговорам, блаженствовала сзади, позвонила мама. Она интересовалась, как дела, все ли хорошо, и, поскольку мы поедем через Калмыкию, продиктовала адрес двоюродной сестры, у которой частный дом в маленьком городке Лагань почти на берегу Каспийского моря – у них, если понадобится, можно остановиться. Все, что я знал о тете Лиде – ее мужа зовут дядя Федя. Негусто.

– Чем они занимаются? – спросил я, чтобы представлять хотя бы в общем, куда поедем, если действительно поедем. В жизни что только ни случается, и лучше быть готовым.

– Лида на рыбном рынке торгует.

Мне не понравилось, что заговорив о тете, мама оборвала себя, когда стоило сказать и о дяде.

– А дядя Федя чем занимается?

– Промышляет рыбой, – нехотя сообщила мама.

– Браконьер?

Голос мамы стал недовольным:

– Другой работы нет, он крутится, как может. Сейчас они ждут ребенка. Я звонила, они сказали, что с удовольствием разместят племянников и их друзей.

Это она так витиевато о Хаде-Наде выразилась. Про Гаруна мама не знала, мы с Машкой решили не посвящать родителей, что едем не одни, а то опять начались бы охи-вздохи, волнения, отговоры...

Нажав «отбой», я рассказал о предложении Гаруну.

– Неплохо, – признал он. – День отдыха перед рывком назад нам не повредит.

Я тоже подумал, что заехать туда стоило бы на обратном пути, когда главное будет сделано.

– Ура! – ликующий Машкин визг около уха чуть не порвал мне барабанные перепонки. – Поедем в гости!

Под предлогом, что в машине жарко, сестренка ехала без спортивной куртки, только в штанах и в том плотном топике, который сначала порадовал меня на квартире у приятелей, а

затем напряг. Напрягал он и теперь. Когда Машка сидела сзади на коленях поверх постоянно разложенной «кровати» или переползала на карачках с места на место, топик напоминал не одежду, а провисшие бусы, что чудесно просматривалось в салонное зеркало. Поэтому, в то время как сестренка «спала», то есть находилась в задней части автомобиля, я всегда сидел за рулем, а когда сменялся – тоже отправлялся лежать, чтобы у моей вертихвостки не было шансов заигрывать с Гаруном незаметно и чересчур активно.

Шило, как известно, в мешке не утаишь, особенно если оно в одном месте у жаждущего приключений неугомонного создания. Машка делала все, чтобы мой приятель обратил на нее внимание.

– Лагань стоит на берегу моря, – радостно продолжила она. – Искупаемся!

– Как понимаю, ты смотрела по карте? – спросил я. – Теперь приблизь изображение и посмотри еще раз. Однажды мы с родителями так же искали в Архангельске Белое море.

С минуту сзади доносилась возня, она закончилась недовольным отбрасыванием телефона в сторону.

– Когда-то Лагань была островом, потом полуостровом и совсем недавно, еще в прошлом веке, действительно стояла на берегу, – сказал я, – но море ушло.

– Мы хоть где-нибудь искупаемся? – не унималась Машка, что в переводе с девичьего языка на нормальный означало: она хочет покрасоваться в купальнике – показать себя во всей красе.

– Не обещаю, но постараемся, – сказал я.

– Гарун, ну скажи ему, что поездка на юг подразумевает купание в море, – обратилась Машка за помощью к нашему спутнику.

Хорошая попытка. С другим получилось бы, а здесь – ну совершенно не по адресу.

– Брата надо слушать, – веско ответил Гарун.

Машка поняла, что сейчас он не меня защищал, а озвучил жизненную позицию. Такая позиция Машку от него не отвратила, а, наоборот, почему-то привлекла.

Длинные волосы, чтобы не мешались, сестренка стянула в хвостик. Когда спала, она укрывалась одеялом, в остальное время старалась понравиться Гаруну. Она и так нравилась, я видел. Наверное, моя Машка, вот такая – милая, забавная, веселая, дерзкая, острая на язык и, несомненно, по-женски привлекательная – нравилась почти всем мужчинам. «Почти» оставляю просто так, потому что такие, кто не оценил бы Машку внешне, мне еще не встречались.

Гарун не обращал на нее внимания не потому, что не нравилась, а потому, что она моя сестра. Машка причины не понимала и из кожи вон лезла, чтобы лишний раз попасться на глаза и произвести впечатление. Попытки выглядели неуклюже, чего Машка, к сожалению, тоже не понимала. Возраст и опыт Гаруна говорили, что о женщинах он знает больше, например, того же Захара, то есть отличает форму от содержания. Кроме внешности Гарун видел в девушке личность с определенным характером и, если есть, неким стержнем. Наличие стержня в человеке, как в мужчине, так в женщине, определяет отношение к нему других людей и, через это, будущее человека. Плохо, что самому в себе стержень не разглядеть, он заметен только со стороны. Как заметно и его отсутствие. А кто думает, что главное – внешность, как правило, стержня не имеет или еще молод для понимания. Надеюсь, что в сестренке играет молодость, а не глупость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.